

МОСКВА Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №9-10 (16-17), сентябрь-октябрь 2012 г. <http://provintelligent.ru>, <http://moscow.provintelligent.ru>
Газета выходит ежемесячно. Контакты для участия и сотрудничества: dzina2011@mail.ru, provint.paschkov@yandex.ru

Наша презентация в Индии

*Провела наш представитель
Светлана Савицкая*

Церемония «Золотого пера Руси-2012»

Натешенная бабьим летом Москвоя к концу октября, похоже, просто устала от красоты и гармонии. Отворила ледяные подвалы, выпустила ветры. Косой мокрый снег повалил на столичную уличную суету.

И люди чуть ли не каждый час стали сверять свои действия через коммуникаторы и навигаторы с прогнозами погоды, сулящие то солнце, то метель, то ледяной дождь.

На смену вальсам бархатного сезона, забарабанили градины по электрическим струнам проводов резкую какофонию, разгоняющую птиц по землям обетованным и заставляющую прохожих прятать уши под шапки.

Несмотря на сей «тяжелый рок», литераторы за несколько дней до назначенной волшебной даты «Золотого пера Руси» 30 октября съезжались из 69 стран. Каждый репетировал свою партию, которую волею судьбы был предназначен исполнить в симфонии торжеств ЦДЛ.

Благословенный Малый зал был готов к этому уже в 9 часов утра.

Первыми появились работники библиотеки им. Некрасова, во главе с Геннадием Нордом (обладателем ЗПР 2010) разложили что-то около 200 томов самых лучших книг классиков и современников, лаковые альбомы, подарочные издания. Акция, совместная с «Золотым пером», была направлена на привлечение читателей к более широкому выбору литературы: любому участнику церемонии предлагалось зарегистрироваться в библиотеке и получить на память о встрече в подарок один из Золотых томов на выбор.

Прибыл фотограф Михаил Тищенко, его миссией стала выборочная съемка самых интересных моментов, запланированных «на сегодня», чтобы оставить в завтрашнем дне доброй улыбкою свершившегося чуда.

Лично Алексей Ильич Осипов, любимейший и почитаемый духовным миром профессор Московской Духовной Академии и Семинарии (обладатель ЗПР 2010), доставил через помощников в фойе более 100 томов и дисков, для всех

желающих окунуться в философию современного христианского православия.

Детская писательница, автор сценариев множества старых добрых мультфильмов Софья Прокофьева (обладатель ЗПР 2009), на правах корифея, несмотря на осенние обострения радикулита, царственною ручкой самого «продаваемого автора» подписала двенадцать «Желтых чемоданчиков». А внучка Афанасия Фета Наталия Горбачёва (лауреат ЗПР 2011) передала из города Королёв партию свеженьких книжечек «Вязанные сказки».

Партия шикарных «полноцветных» изданий «Уроки Доброты и самопознания» были бережно доставлены для жаждущих проводить акции «День Доброты» из Театра Кошек на Кутузовском проспекте от Юрия Куклачёва (лауреата ЗПР 2005) и переданы, как котят, (КАЖДЫЙ!) в добрые руки.

Самым сложным для оргкомитета оказалась простая работа – извлечь из футляров и оберточных бумаг «инструменты». Ведь симфонию церемонии никто не репетирует. Участники практически всегда в обновлённом составе, воссоединяются всего на несколько часов раз в год, чтобы, исполнив её, снова вернуться к рабочему писательскому столу: кто в Москву, кто в Украину, кто в Австралию, кто в Израиль, а кто и в Монреаль...

Четвёртый год подарки доставляет легендарный изобретатель разногильчатых аппликаторов, врач высшей категории, кандидат медицинских наук, Генеральный директор Донецкого завода Николай Григорьевич Ляпко. На этот раз он привёз для каждого участника встречи «крапинки» и для особых номинаций пластины, стельки, колючие шарики. Прибыли подарки и от Андрея Борисовича Красильникова (обладателя ЗПР 2011) и фирмы АРГО. 30 наборов, абсолютно никакого отношения не имеющие к литературе и в то же время необходимые для каждого пишущего человека – бальзамы «Артрохвоя» и «Таёжный», в состав которых входят медве-

Продолжение на стр. 2

Продолжение. Начало на стр. 1

жий жир, масло пихты сибирской, жир барсучий и т.д., шампуни на хвое, зубные пасты, другие волшебные штучки – очень порадовали лауреатов.

Представили своих «новорожденных детей» издания – лаковые и чёрно-белые, цветные, толстые и тонкие, «ближнего и дальнего зарубежья», москвичи и «заМКАДыши» – бойко распаковывали пачки. И уже в фойе проходил обмен «премудростями на слёте Василис».

Да что там говорить, каждый, прибывший на праздник литературы, в тайне надеясь обменять своё детище на томик признанного мэтра с автографом, припас с десяточек авторских книг. 80 томов Михаила Ножкина и коробка дисков с его песнями буквально «улетели мухой», и их, естественно, всем не хватило.

Не меньшим спросом пользовались наборы первой десятки детских книг с пометкой «САД» (Новый литературный проект - Современные авторы детям) издателя из Набережных Челнов Веры Хамидуллиной (обладатель СПР 2009г.). Красочные добрые переводы с русского на татарский и с татарского на русский, были привезены в едином пакете с поперечной широкой надписью «Татарстан». Вера естественно волновалась – как воспримет требовательная «Скала Совета» во главе жюри с профессором ЛитИнститута Владимиром Ивановичем Гусевым ее «Маугли». И «что скажет стая»?

Пошли на «Ура» толстенные фолианты альманаха «Ахалтеке – информ», чёрно-белые, но наполненные, по мнению профессоров, самой качественной русской прозой, журналы, привезённые из Саратова «Волга, XXI век», издания серии «Интеллигент» (Москва, Америка, Австралия), питерские газеты «Общество и экология», «Киевская Русь», Херсонские «Вестники» и многое другое.

Но вот взмахнул смычком Маэстро – учредитель премии Александр Бухаров. Пресс-конференцию открыла песня Михаила Ножкина (обладателя ЗПР 2007г.) «Русский марш». Первые скрипки увертюры – представители ГД ФС РФ и ФС СФ РФ, Трудовой Доблести России, АРПП, председатели союзов писателей разных стран, уважаемые представители посольств и стран Сербии, Болгарии, Германии, Израиля, Испании, Австралии и др. заворожали внимание участников церемонии.

Были вручены награды самым активным и самым талантливым представителям русскоязычной литературной жизни планеты. В.И. Гусев (обладатель ЗПР 2005 г.) отметил, что сегодня в зале собрались представители элиты писательского мира не только России, но и всего мира.

Основным лейтмотивом как пресс-конференции, церемонии, так и увертюры общения до и после явилась мысль о сбережении нравственных традиций

славянских духовных ценностей. Владимир Георгиевич Бояринов (обладатель ЗПР 2006г.) торжественно произвёл награждение орденами и литературными премиями им. Есенина, Маяковского, Лермонтова, Чехова, Грибоедова от СП РФ Московской городской организации.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ПЛАВНО ПЕРЕТЕКЛА В ЦЕРЕМОНИЮ НАГРАЖДЕНИЯ

«В состав того, что мы называем человечеством входит более мёртвых, чем живых». Так и в состав русской литературы входит больше тех, кто ушёл физически. И как дерево теряет по осени листья, так и писательский мир теряет людей. Чтобы почтить память членов оргкомитета и жюри: поэтов Римму Казакову, Сергея Михалкова, прозаика Анатолия Приставкина и, ушедшего в этом году самого доброго, самого талантливого, самого безотказного и святого друга «Золотого Пера Руси» Александра Петрова, зажгли свечу. Вместо образа установили его книгу. На три минуты зал погрузился в молчание.

Звучала песня Михаила Ножкина «Помоги им, Боже!»:

...Сохрани их, Боже, сохрани,
Всех, кто верен Родине остался,
Всех, кто не предал и не продался,
Всех, кто не отрекся от родни!...

Число всех желающих исполнять сегодня роли теноров и альтов оказалось более четырех тысяч. На церемонию в виде победителей приглашено что-то около 200 человек. Прибыло чуть более 150, не считая друзей, гостей и представителей оргкомитета. В зале, как всегда, – полный аншлаг.

Слушали в тишине молитву за тех, кто остался «в полях воином» за светлые идеалы:

...вдохнови их, Боже, вдохнови,
Всех, кто ради правды хоть на плаху,
Кто отдаст последнюю рубашу,
Кто находит истину в любви.
Вдохнови их, Боже, вдохнови,
Век не погаси огня в крови!

Свечу никто не задул, когда кончилась эта своеобразная молитва. Она горела, пока не умолкла последняя нота этого дня. Петров ласково улыбался как живой с обложки книги, как бы благословляя всех «на добрые дела».

И действо продолжалось.

Из 20 номинаций, объявленных в этом году, было присвоено 10 Золотых и четыре Серебряных званий, вручено 14 перьев из этих драгоценных металлов.

Самая сложная и почетная нота – номинация – ПРОЗА была «взята» отрывком уже достаточно известной личностью Марией Арбатовой. Торжественным жестом, мастерски переданным автором в книге «Дегустация

Индии» удивил, восхитил и рассмешил одновременно, покорила безоговорочно все сердца жюри. А некоторые даже утверждали, что чтение данной книги помогло им сэкономить немалые деньги в южных странах. Золотое Перо Мария Ивановна приняла достойно и, естественно, воспользовалась площадкой у президиума, чтобы в весёлом радостном диалоге выразить признательность своему педагогу по литинституту Владимиру Гусеву.

Утвержденный оргкомитетом Диплом Михаила Ножкина вручал сам Ножкин по номинациям ПОЭЗИЯ и ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ, подавая людям двухтомники с автографами и диски с записями песен. Большого счастья для лауреатов трудно было представить. Ещё бы! Ведь Михаил Иванович признан «Содружеством литературных сообществ» поэтом номер один!

Но вернёмся к дате 30 октября. Именно в этот день 9 лет назад родился проект конкурса. А в этом году номинацию СКАЗКА ошастливил своим участием известный всем драматург мультфильмов и детский поэт Александр Тимофеевский. Воспользовавшись случаем, он дольше, чем другие, оккупировал микрофон и прочел два детских стихотворения, несмотря на запрет. За что был тут же «наказан». Оргкомитет заранее закупил книги в «БиблиоГлобусе» и попросил подписать 8 сборников юбилярам. Кстати, и специальные подарки были вручены под его «Песенку крокодила Гены».

Несколько раз звонил и извинялся за отсутствие на церемонии победитель в номинации ЭКОЛОГИЯ Николай Николаевич Дроздов, автор и ведущий передачи «В мире животных». Ледяной дождь сыграл с ним злую шутку, и любимец взрослых и детей, да что там говорить – всего интеллигентного русскоязычного мира, повредил ногу, торопясь в ЦДЛ.

Особо торжественно была представлена в этом году номинация ИЗДАНИЯ. Кроме Золота, Серебра и Кузнецовского фарфора, оргкомитет подготовил специальные призы. Награждение проводил лично руководитель АРПП Александр Владимирович Оськин (обладатель ЗПР 2006 г.). За годы взаимодействия внутри содружества награды «Золотого Пера Руси» получили издания и агентства: «Вокруг света», «Караван историй», «Бурда Моден», РосПечать, ЦентрПечать, Информбюро, Белые Альвы, многие другие.

По номинации СПОРТ прошёл с песней о Космосе чемпион мира по кикбоксингу Павел Болянов, в интернете носящий ник Рыцаря Айвенго.

Для награждения по номинации ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ прибыл специально из Мюнхена Лео Гимельзон (обладатель ЗПР 2008г.), Председатель Всемирного Союза писателей. Надо отметить, что работа содружества с разными странами ведётся как по сотрудничеству с целью представления авторов за рубежом с организацией их авторских вечеров, так и в образовании музеев сказок, насыщение книгами

библиотек русских центров в 15 странах, поиск средств на восстановление русских памятников, длинной и подробной перепиской, всё перечислять, даже построчно называя события, просто невозможно долго (информация есть на событиях, новостях вестях сайта «Золотого Пера Руси»).

Номинация ДУХОВНОСТЬ в этом году сама явилась подарком для всех, первых, потому что каждый желающий мог выбрать одну из книг Осипова, а вторых, что по ней был отмечен великий путешественник Федор Конюхов, ныне принявший сан священнослужителя.

Нашему постоянному спонсору Николаю Ляпко также была вручена с благодарностью икона Николая Угодника из серебра.

Приятным сюрпризом стала реальная ария из оперетты Кальмана. Её исполнила уникальная певица, автор телевизионной программы «Поющая звезда» Евгения Лагуна, единственная в мире с диапазоном в пять октав, усилившая арию из фильма «5 элемент». Она подготовила для победителей номинации МУЗЫКАЛЬНАЯ специальные медали «ЛИРА-ЭЛИТ».

Из Израиля привез серебряные изделия Леонид Брайловский (обладатель ЗПР 2008 г.). Ежегодно он обеспечивает подарками номинацию ДЕТСКАЯ, как руководитель МТОДА.

Играть «СОЛО» хотелось всем. И никто не сомневался, что каждая номинация достойна отдельного вечера. И каждый автор. И каждая книга каждого автора. И у Маэстро разрывалось сердце от того, что послушать хотелось все и сразу. Как жаль, что это совершенно не возможно!

На дикой скорости обреченного скерцо звенел микрофон, с каждой минутой понимая, что еще пять-десять минут и надо будет освободить зал. Гостям были представлены результаты работы РОИПА, и номинантам подарена книга-«лидер продаж» Андрея Склярова (обладатель ЗПР 2009 г.) «Обитаемый остров Земля», а сам он получил медаль Сенкевича «За посещение с целью художественно-аналитического исследования более 15 стран».

Были и другие подарки, привезенные из разных городов и стран. Было стремление чувствовать эту великую музыку своей победы как часть общей, большой. И вся литература уже казалась победой великого народа и великого разума. С уст чуть ли не каждого срывались слова истинного патриотизма и любви. Кто-то из присутствующих заметил, что это называется гимном.

Когда были розданы все дипломы, медали, ордена и специальные призы и церемония объявлена закрытой, микрофон «пошёл по рукам». Литераторы переполненным осенним озером хлынули к берегам президиума. Сезон охоты за книгами начался. Люди, как за хлебом выстроились за ними в очередь.

А после все фотографировались на память, и СМИ брали интервью у победителей и лауреатов.

Цветы. Книги. Объятия. Планы. Обещания. Уверения. Автографы.

Снег. Еще снег. Потом ледяной сой дождь. Собор Василия Блаженного, как точка опоры, сверкает коловратами куполов. Мы с Бухаровым дышим осенней прохладой «в затылку» на Красной площади, что делали ежегодно после каждой церемонии. Нельзя нарушать добрые старые традиции!

– Сегодня приятно было играть с вами в одном оркестре! Маэстро! – улыбнулась я устало.

– Не расслабляйся! Твоя главная партия еще впереди! – ответил Саша.

Светлана САВИЦКАЯ
Фото Михаила ТИЩЕНКО

Ирина Чицова

Родилась и живет в Санкт-Петербурге. Окончила Политехнический институт. О себе: «Меня интересует всё окружающее – люди, машины, явления, всё живое и неживое. Технарю, инженеру по мировоззрению, мне доставляет радость и удовольствие узнавать, как всё это работает, разбирать и собирать по деталям, чинить сломанное, изобретать новое... Понимание законов механики ничуть не мешает волшебному мировосприятию. Физик и лирик в одной голове? Почему бы и нет? Меня привлекает жанр «записок на манжете» - своей лапидарностью и точностью изображения действительности».

Член Московского Салона литераторов, редактор-корректор литературно- сетевого журнала «Московский BAZAR».

*На тридцать восемь комнаток
всего одна уборная.
(из песни В. Высоцкого)*

Середина прошлого века... Коммуналка в центре, на Литейном. Коммуна была из средних: изначально всего 8 комнат, 8 семей. Словом, не Воронья слободка, «ничьих бабушек» на антресолях в ней не проживало. Мы впятером занимали две смежных комнаты: бабушка, мама, папа, сестра и я. До этого родители и бабушка жили в пятиметровой комнате, бывшей кладовке, в другой коммуналке, недалеко от Финляндского вокзала.

Интерьер ленинградской коммуналки 1950-х годов. (Реконструкция музея Политической истории России)

Эта комната располагала имела своеобразное, поэтому моя беременная мама, когда у нее начались схватки, вынуждена была перелезть через газовую плиту, а дальше пробираться по коридору к выходу из квартиры, балансируя по положенным поверх только что покрашенного пола доскам. Я прожила в этой квартире только до 5 месяцев. Спать меня укладывали на сундуке, а родители расстилали матрас под столом. Одна бабуля спала по-человечески, в кровати. Потом было ещё какое-то промежуточное жильё на улице Чехова, а когда родилась моя младшая сестра, мы переехали в этот смежно-двухкомнатный рай. Всего предшествующего этому переезду я, конечно, не помню, пишу по рассказам бабушки и мамы, а вот квартиру на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского, где я прожила до 28 лет, помню отлично и считаю ее «родной».

С соседями нам повезло: пьяниц, дебоширов и нечистых на руку среди них не было, и, хотя характерный душок скандальности витал в атмосфере, до больших склок ни разу не доходило.

Помню полусумасшедшую соседку тетю Раю. Когда у нее начинались «припадки», она выбегала в коридор или на кухню, начинала вопить, изображая слабость в коленях: «Где я? Куда я лечу?!» - и цеплялась за бельё, висящее вдоль стен коридора на веревках. Это была самая обычная истерика. Нас с сестрой загоняли в комнату, а с тетей Расей как-то разбирались взрослые. За пределами квартиры, бродя по улицам и заходя в магазин, тетя Рая виртуозно исполняла роль городской сумасшедшей. Причину своего слабоумия она объясняла так: «Меня в детстве корова на рог брала». Фамилия у нее была интересная – Голод.

В общей кухне висел график мытья мест общего пользования (каждую неделю) и кухонного окна (два раза в год, весной и осенью).

Составлять его пофамильно со временем вошло в мои обязанности. Один мой институтский приятель-шутник, увидев сие творение, возмутился: «Ирка, ты почему не предупредила? У вас тут написано: май 1975 - голод!» В кухне стояли три газовых плиты, и за каждой семьей были закреплены конфорки.

А раньше, еще до появления газа в квартирах, посредине стояла одна огромная дровяная плита.

Стирали тоже на кухне, в корытах, на стиральных досках. Хозяйственным мылом. Пена по локоть, характерные звуки, запах кипящегося белья... Сушили бельё на черда-

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЖИЗНИ В ПИТЕРСКОЙ КОММУНАЛКЕ

ке. Поход на чердак с мамой был каждый раз интересным приключением. Запомнилось огромное пространство под крышей, множество веревок, слуховые окна, в которые были видны крыши соседних домов.

Плату за электричество рассчитывать поручалось кому-нибудь с образованием (одно время это делал папа, потом мама, а потом и я). Счетчики были у каждой семьи и один общий. Надо было рассчитать пропорционально количеству членов семью оплату освещения тех самых «мест общего пользования».

Вот мы с сестрой еще дети. Пришли из школы, пообедали. Супчика поели. Потом пришел с работы папа, тоже решил поесть и, наливая суп, со словами: «Положу-ка мяска побольше...», вынул поварешку из кастрюли... А в ней - мышь. Естественно, не живая, а вареная. «Нет, ТАКОГО мяса я не хочу», - сказал наш очень выдержанный папа, вылил содержимое поварешки обратно и закрыл кастрюлю крышкой. Немая сцена... Как эта мышь оказалась в нашей кастрюле, можно только догадываться. Вряд ли она попала туда по собственной воле или глупости, ведь кладовка-то была общая...

Раньше в этой кладовке была вторая уборная, о чем свидетельствовали остатки крепления унитаза в полу. Холодильников тогда не было, продукты хранились в таких вот общих кладовках или между оконными рамами. Сливочное масло для предохранения от обветривания заливали в масленке водой. А за окном, на карнизе, расширенном досками, стояли ведра или бачки с квашеной капустой и солеными грибами. Какое все это было вкусное!

Отопление было печное, и как же уютно трещали дрова в печке! У нашей печки, в отличие от остальных имеющихся в квартире, была старинная чугунная дверца с латунной облицовкой и двумя круглыми ручками. Чтобы открыть дверцу, надо было за эти две ручки потянуть не к себе, а вверх. На внутренней стороне дверцы надпись: «Отлити на заводе Сань-Галли». Точно такая же надпись была на решетке Троицкого моста. Паровое отопление и горячую воду проводили уже на моей памяти. Во дворе штабелями лежали радиаторы, рабочие сверлили дыры в полах и проводили трубы. Потом и ванная комната появилась, тоже общая, конечно. За стеной нашей ванной находился ресторан гостиницы «Нева», и по вечерам оттуда слышалась музыка.

Были и положительные стороны коммунального проживания. Например, можно было оставить детей под присмотром соседей. Мама так и делала, когда мы болели. По ее просьбе тетя Дуся или тетя Маруся нас кормили и периодически заходили проверить, все ли в порядке.

Тетя Маруся мне очень нравилась. Она говорила с белорусским акцентом, называла меня Ярынкай, и у нее были красивые руки. Потом, уже повзрослев, я сказала об этом, чем сильно ее смутила. Этими красивыми мягкими руками она как-то раз вытаскала

Московский Салон Литераторов

Родители не боялись отпускать детей на улицу. Мы гуляли зимой до темноты, уверенные, что никто нас не тронет. Летом, с наступлением белых ночей, я девчонкой иногда бродила ночью по набережной Невы, по Невскому одна.

Двери некоторых коммуналок вообще не запирались, а если и запирались, то замок легко можно было открыть, например, монеткой или, как Остап Бендер открыл квартиру инженера Щукина, ногтем большого пальца.

Получилось так, что постепенно почти половину квартиры заняла наша разросшаяся семья, причем на совершенно законных советских основаниях. Сначала, когда мы с сестрой подросли, мама выхлопотала нам одну освободившуюся комнату, потом у нас стали появляться дети, можно было встать на очередь «по улучшению жилищных условий», что мы не преминули сделать, а «до подхода очереди» заняли еще одну большую комнату, из которой выехали прежние жильцы.

В этой большой, 24 квадратных метра, комнате, жили сестра с мужем и сыном. Мы были молодыми родителями, действительно молодыми, у меня в 23 года уже было две дочки. Теперешние мамы гораздо взрослее.

Квартира наша располагалась на втором этаже, и уличные фонари, висящие на проводе, протянутой между домами улицы Чайковского, светили прямо в окна нестерпимым дневным светом, мешающим спать по ночам. Тетя Маруся называла их «бычьей яйца», видимо, ей они тоже не нравились. Занавески не спасали...

Промучившись какое-то время, муж моей сестры решил разбить один из этих фонарей, висящий совсем уж неудачно по отношению к его спальному месту. По молодости лет другого решения и не могло возникнуть, согласитесь. Я, конечно, со своим живым характером и любовью к изобретательству, взялась ему помогать. Открыли окно, провели рекогносцировку и решили, что нам потребуется рогатка. По понятным причинам рогатки под рукой не оказалось. Тогда мы взяли старое лыжное крепление, вытащили из него прижимную пружину, имеющую как раз подходящую форму, привязали к ней резинку. Теперь надо было подумать о снарядах. Подошли гвозди, согнутые подковкой. Приготовились, снова открыли окно. Дело было не то ранней весной, не то поздней осенью, холодно изрядно, и после нескольких неудачных попыток нам пришлось тепло одеться. Павел стрелял, а я подносила патроны, бегая из комнаты на кухню. Гвозди сгибала, орудия молотком на чугунном утёге, чтобы не мешать соседям громким стуком. Потом он попросил найти темные очки, потому что было трудно целиться в ярко светящийся объект, и мы увлеченно продолжили обстрел.

Минут через двадцать, осознав нелепость ситуации, мы одновременно посмотрели друг на друга и начали громко хохотать: два вроде бы взрослых человека... в три часа ночи... в зимней одежде, в пляжных очках... у открытого окна, с рогаткой... Видели бы нас наши дети!

Лампу разбить нам так и не удалось - то ли стекло было толстое, то ли снаряды слабоваты, то ли меткости не хватило. На следующий день, гуляя с детьми по противоположной стороне улицы, я увидела, что тротуар усыпан гнутыми гвоздями - следами нашего ночного хулиганства.

У каждого, кто жил в коммуналке, свои воспоминания, часто в них мало радостного. Мои же проникнуты каким-то теплом, тоской по утерянному раю, что ли. Видимо, это связано с тем, что в то время все люди были нравственно чище, не говоря уже о наличии четкого понимании добра и зла. А может, просто детство было счастливым. Родители на нас никогда не кричали и не наказывали физически. Мы с сестрой по одному только неодобрительному взгляду папы понимали, что сделали что-то не то. В нашей семье, да и во все квартире, никто не сквернословил, даже слово «дура» считалось бранным. Куда все подевалось?

Нет ответа, как нет конца моим воспоминаниям...

толстую занозу - шепку от паркета - из ягодицы моей сестры. Просто зажала торчащий конец занозы между большим пальцем и лезвием столового ножа - раз, и готово! Сестра даже испугаться не успела.

Была еще Александра Георгиевна, пожилая, очень интеллигентная старая дама с седыми кудряшками. Прямо хоть пиши с нее образ «бывшей дворянки» или «смолянки». В ее комнате пахло смесью ванили и нафталина и было тесно от множества вещей: сплошные комодики, этажерки, салфеточки, статуэтки, козетки, а на подоконнике сидела кошка-копилка мордой на улицу - голубей отпугивать. Помогало! Старушка делала замечательно вкусное печенье в виде белых грибочков: ножки и шляпки пеклись отдельно, причем ножки были из двух половинок, потом при помощи сахарной глазури детали склеивались, шляпка красилась сверху шоколадной глазурью, снизу белой, потом ножка обмакивалась в мак, чтобы было как будто в земле, - и всегда угощала им всех соседей. Иногда к ней приезжала из Карелии её родственница по имени Марта (отчества не помню). Они звали друг друга Шурёнок и Мартусенька. Мартусенька разговаривала с легким акцентом, наверное, финским. С ней было очень приятно разговаривать, она умела слушать и рассказывать.

Свой телевизор появился у нас только в 1965 году, так что самое важное и интересное - похороны Джона Кеннеди, фильм «Иван Грозный» Эйзенштейна, концерт перуанской дивы Имы Сумак - мы ходили смотреть к соседям. Их большая комната вся была заставлена огромными клетками с канарейками, которые распевали на всю квартиру. Потом появился еще и попугай, оравший, скорее всего, «Розетка!», а нам, детям, тогда слышалось - «розетка».

Однажды - мне тогда было лет семнадцать - мой рыжий кот оказался заперт в этой комнате, хозяева же уехали на дачу. Что было делать? Все соседи собрались у двери, пытались как-то вывести котенка, но безуспешно. Кто-то знал приметы дачи, мы с друзьями предприняли попытку найти ее в загородном поселке, но разве найдешь? Два дня я кормила котика через щель под дверью. А потом решила: надо отпилить угол двери. Как только приступила к осуществлению задуманного - всех соседшек как ветром сдуло. Очевидно, никто не хотел быть свидетелем «взлома». Хозяин комнаты, вернувшись, ни слова не сказал, просто приклеил отпиленный угол эпоксидкой, что, несомненно, сделало ему честь.

За пределами коммуналки тоже было много интересного. Дрова для печек - отчетливо помню их запах - хранились в сараях или подвалах. И как только места в городе для всего этого хозяйства хватало?

Тихие улицы казались такими широкими, а теперь из-за припаркованных автомобилей ощущение совершенно иное. Машин было очень мало, зато часто встречались телеги, запряженные лошадьми. Конский навоз собирали какие-то люди с кошелками.

Ирина Егорова

Что-то меняется в этой жизни, одни ситуации рассыпаются, другие берутся непонятно откуда. И уже странно повторять о себе знакомое: главный режиссёр московского театра «КомедиантЪ», актриса, поэт, драматург, преподаватель... оно вроде бы по-прежнему всё так и есть, но самое главное прячется уже где-то между всеми моими маршрутами, между всем, чем забито время до отказа... и тычётся оно, это главное, как слепой кутёнок, не знает, как выглядит, как называется, и хочет остаться пока неизречённым...

Вписаться к небу на постой

Туман развешан среди ночи,
Прибит гвоздями фонарей.
Набрось же призрачные клочья,
Луну беспутную согрей!

* * *

Инъекция смиряемого взгляда —
Прицельно, внутрисердно, в глубь души.
Пока тюрьмы не замкнута ограда,
На ошупь — продерись!.. очнись, дыши!

Зависнув где-то меж такси и чаем,
Кратчайший вздох — постой, не оборви...
А души после смерти завещаем
Для опытов — в науке о любви.

* * *

Стопились обомлевшие леса.
Скривил улыбку месяц золотой.
Сугробов пышногрудых тела
Нетронутой сияют наготой.

* * *

Нет, не рыдаю ни на чьём плече —
Душа лежит ничком в параличе
Вне жизни, вне любви и вне игры...
Не лью стихов и не мечу икры.

* * *

Анабиоз. Ни радость, ни каприз не
ворвутся, не протиснутся, пока,
как признак жизни,
властно стиснув душу, не проберёт
до атомов тоска...

В больнице

Шаманит ветер среди деревьев,
По всем их статям тревожно шарит,
По следу всех их ночных кочевьев
Тотальный обыск затеял, скаред.

Больничных мыслей кривые формы.
Под спину койка легла трамплином.
И вязнут руки в подушек шторме,
В бессонницы коридоре длинном.

* * *

Мир безвоздушен,
а пространство — мнимо.
Низы молчат и замерли верхи...
Заобморочно и непостижимо —
Как жить, пока во мне молчат стихи?

* * *

Пусть паводок наполнит
в сердце полость,
В огонь — сухое, а живому — рост...
Где ж тот, с которым можно —
полюс в полюс —
Охалки молний ухватить за хвост?

* * *

Над солнцем тучи козырёк.
Разрушил тишину коллега.
И, шепелявя, ручеёк
Сбежал тихонько из-под снега.

Под солнцем воробыный крик.
Подпрыг, подпрыг! Чирик! Чирик!
И я — подпрыг, чирик! — ей-ей —
Как самый наглый воробей.

* * *

Между льдами напором весны
Опрокинут стакан тишины.
Рыбаки, выжидая рыбят,
Как наседки у лунок сидят,
А проплешины талой земли
Уж травой шальной проросли!

.....
Плодом застряло солнце меж ветвей,
И вылез обалделый муравей.

* * *

Медведица запуталась в ветвях,
В верхушках — звёзды
ёлочным убранством.
Берёзы подпирают птичий взмах,
Сцепивши пальцы
вековечным братством.

В небесах происходит мистерия.
А фонарь ловит блик мотылька.
Тишиною наполнена — стерео,
Ночь стоит, подпирая бока.

В пруду

Плывёшь в невесомости полной,
А ветер, душит и багров,
Рябит мускулистые волны
И множит тираж берегов.

* * *

Как в ласке волн растаять мне бы,
Минуя зарослей альков...
В простор сложились пазлы неба
Из ласточек и облаков.

* * *

На небе полчища рептилий,
Стрельцы нацелены и метки.
А звёзды падшие чертили
Загаданных желаний метки.

* * *

Жизнь исподволь исправит
«нечет» в «чёт»
Движеньем, преднамеренно случайным.
И вновь толкает, жаждет и растёт
Тот Бог, что скрыт
в зерне первоначальном.

* * *

Здесь — падших яблок топот всюду.
Уймись! Не торопись. Постой...
В молчанье — причаститься чуду!
Вписаться к небу на постой.
Бродить бесцельно. Шляться к пруду.
И в лес ходить — за красотой.

Когда реальность оглоушит
И осень осенит фатой,
И тишиной заполнит уши,
И запахов прольёт настой...
Вдали кукушка бьёт баклуши,
Зовёт тропинкою не той...
Берёзы томны, как няяды,
И не вступают в разговор.
Но вызывающе-нарядный
Стоит красавец-мухомор.

Балдеть бы так ещё лет двести,
Пока звенит травы настил,
Такие оглашая вести —
Ни передать, ни унести.

* * *

Вот и осень грянула ревизией —
Всё, что накопило это лето,
Всё, что зарумянилось и вызрело,
Всё, во что земля была одета, —
Вывалено, сброшено, разбросано.
По небу размазаны румяна.
Ветер мародёрствует по осени,
Вертится, насвистывая пьяно.

Поднял стаи перелётных листьев...
Рвёт лохмотья облетевших мыслей...

* * *

Расквасит осень слякотью распада,
Появжет нас смирением поста.
Но снизойдут за нею снегопады
И жизнь постеляют — с чистого листа!

Никита Брагин

Поэт. Москвич, родился в 1956, доктор геолого-минералогических наук, член Союза писателей России. Печатался в журналах «Российский колокол», «Лит-э-Лит», «Природа и свет» (Москва), «Чайка» (Балтимор, США). Победитель литературных конкурсов: «Серебро слова – 2008», «Вся королевская рать – 2008», «Сонет – 2010 (памяти В. Резниченко)», «Лира Боспора – 2011», «Пишущая Украина – 2011», Межрегионального конкурса к 190-летию Н. А. Некрасова. Член Московского Салона литераторов.

Зимний пейзаж в стиле Питера Брейгеля Старшего

1971 год

Рождественского леса тишина
разорвана, орут вороны стаи.
Ильич Второй стреляет в кабана
и точно под лопатку попадает!
Густая кровь и вороненый ствол,
припорошённый инеем каракуль,
а сзади, как египетский оракул,
простуженный Черненко подошел...
Душистым паром задыхала стерлядь,
развариваясь в огненном котле...
Добычу освежевывает челядь,
и водка стекленеет на столе.

Поодаль возникает мир иной —
ханурики из леса тащат елки;
глаза коровы, тошей и больной,
как стеклотары блеклые осколки.
Шумит предновогоднее село,
получку распыляя в магазине...
Убогой потребительской корзине
пора сказать: что было, то прошло.
В Москву, в Москву — гудят локомотивы,
за колбасой несутся поезда,
порхают новогодние мотивы,
горит пятиконечная звезда.

И наступает праздник у детей,
и на саях по снеговым перинам
сменивший чудотворца чародей
везет шары, конфеты, мандарины...
А утром солнце грудкой снегиря
рождается в морозном океане,
кровь на губах да иней на экране, —
весь Юрьевец под небом января
живой картиной, зеркалом былого
наивно смотрит в темный объектив, —
так верующий ищет образ Бога,
лампадою икону осветив.

А дальше — вся огромная страна
на перекрестках святости и скверны
смывает пелену хмельного сна,
и золото горит в прорехах черни.
Но церкви обезглавленные спят
над прахом перекопанных погостов,
а для толпы все празднично, все просто,
все суета — от головы до пят.
И, следуя вращению планеты,
идут в постель свободные от вахты,
а межконтинентальная ракета
тревожно спит в сухой прохладе шахты.

Сорок лет спустя

Безмолвие в завидовских лесах,
надевших горностаевые шубы.
Легко мыщукет рыжая лиса,
не чуя ни стрелка, ни лесоруба.
Охота не в почете у вождей,
они теперь духовное взыскуют,
сменив ружье на свечку восковую,
пороховую копоть — на елей.
В забвение, как бабушкины моды,
ушли приметы брежневских времен,
но что-то зябко русскому народу,
и не духовным озабочен он.

Ища «следы довольства и труда»,
находишь недовольство и безделье,
и поневоле вскрикнешь — вот беда! —
когда пахнет в лицо паленым зельем.

В России пьют — и закуси полно,
распухли придорожные харчевни,
где Богу душу отдали деревни
неслышно, незапамятно, давно...
Утешься — пустовать земле недолго.
Идут — Кавказ, Таджикистан, Китай...
Услышишь от Кубани и до Волги
чужое слово сквозь вороний грай.

И все-таки — посмотришь на детей
и сам обрадуешься, как мальчишка,
за лучшую из лучших новостей,
за Новый год, за фейерверка вспышки,
за веру, что не гаснет вопреки
всему, что городит сухой рассудок...
Еще — за то, что совершилось чудо,
где словом, где касанием руки.
Как будто смотришь
на скалистый остров,
на снег и уголь смотришь с высоты
и удивляешься — как это просто:
смерть на ладони, а в душе цветы.

Россия продолжает крестный путь,
Вселенная все шире, все темнее,
и, раздувая снеговую мусть,
над полем непогода сатанеет,
и будущее скрыто до поры.
Душа томится на пороге тайны
и открывает слепо и случайно
порталы в неизвестные миры,
с надеждой слыша тихие приметы
нежданных и немислимых времен...
А в шахте все по-прежнему — ракета...
О Боже, подари ей тихий сон.

На берегу

На руках Посейдона — покой...
Что-то нежное шепчет волна,
набегая.
Из далекого детского сна
ты выходишь на берег морской,
Навсикая.

Я пишу телеграфной строкой, —
ты прости, я опять нездоров,
запятая,
и опять непослушной рукой
шепот моря косичками строф
заплетаю.

И мечтаются буквы любви
не на жарком сыпучем песке,
а на камне,
а цикада поет вдалеке, —
улетевшую рифму лови
в анаграмме.

Слишком поздно учить языки, —
на чужом обрывается нить
золотая...
Мне бы только напев сохранить,
я цитатой прорехи тоски
залатаю.

Словно соло ведет на трубе
равнодушная бойкая речь
телегида...
Мне уже не вернуться к тебе,
на песок золотой не прилечь,
Феакида.

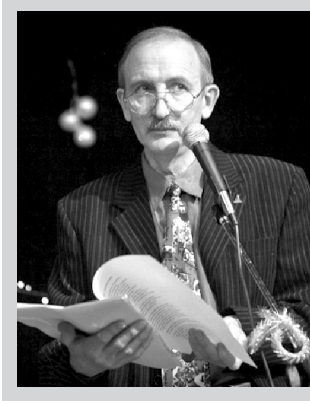
Апокриф

Проходил селом богатым Спас,
а с ним апостолы, —
был в тот день великий праздник,
колокольный звон.
Все село тогда молилось,
пели алконостами
литургийные стихиры,
праздничный канон.

А когда накинул вечер
покрывало мглистое,
все сельчане собирались у огней лампад,
и внимали благодати, и молились истово,
и горел закатным златом
тихий листопад.

Но не слушал Спас молитвы,
не стоял во храме он...
Он сидел в избушке старой
на краю села,
где над маленьким ребенком
голубицей раненой
пела песенку сестренка, пела и звала...

И апостолы внимали,
словно откровению,
и сложили в красный угол хлебы
и гроши
догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души.

Александр Сухих

Родился на Алтае в 1954 г. Живёт в г. Юбилейном Московской обл. Закончил Алтайскую государственную академию культуры и искусств, отделение театральной режиссуры. Первые попытки прозы были в 1985 г. Стихи пришли позднее. Занимался в литературной студии Е. Винникова и мастерской Р. Сэфа. В 2006 году в «Московском Парнасе» вышла книга лирики «От души до ума». Публиковался в изданиях Москвы и России. Представлен на многих сайтах в сети, неоднократный победитель литературных конкурсов. Пишет разноплановые стихи, прозы, критические эссе. Экспериментирует с музыкой стиха и формами, любимая - японский сонет-рэнга. Приверженец интуитивной поэзии. Считает, что не поэт творит стихи, а стихи творят поэта. Из поэзии предпочитает «серебряный век» России.
Член Союза писателей России, МСП «Новый Современник» и Московского Салона литераторов.

Старость в деревне
(японский сонет-рэнга)

В землю осевший
дом, в опахалах ветвей
майского полдня.

Клён у забора
спилен, но стебель у пня
выпростал листья.

Дремлет старик на скамье.
Яблоня сыплет
в руки ему лепестки.
...Пульс — на запястье.

Ускользящий май

...Сонные черемухи
расточают запахи,
в травах обозначились
первые цветы,
под ночными ливнями
листья тополиные
липким ароматом
вторят с высоты.
Все оттенки зелени
акварелью сделаны,
воздухом замешены,
плаваются в лучах.

Первозданно выткано
чистоцветье зыбкое —
в тоне уплотняется,
зреет на глазах...

Не пройдёт и месяца
и пейзаж изменится:
смажутся-заветреют
чудо-зеленя.
Тень однообразия
свой приход отпразднует.
Дерева примерятся
по листу ронять...

Из раскрытого окна

Середина лета —
желтизна в листве:
жизнекратность цвета
всё понятней мне.

Смигиваю миги —
блажь для единиц:
луч дробится в блики,
вьётся меж ресниц.

Ветер разнокрылый
выправит контраст...
Мимолётность силы.
Мимолётность глаз...

Ночёвка в рыбацком домике

Вода обмякла в камнях.
Речной туман тягуч —
не вхожи в щели ставней
ни тень, ни звук, ни луч...
Утихший лес расслаблен —
навеивает сны.

На крыше зреют капли —
последние — весны...

Прогретый дом ответно
знакомится со мной:
в трубе, пугая тщетно,
вдыхает домовой;
играют доски, стены
скрипучий менуэт...
Рыбак-приятель верный
сопит весне вослед.
Часы не в такт ритмичны
— вне музыки тепла —
размеренно безличны,
поточны их дела...

И шорохами — мысли,
да отсвет из печи
на стенке с коромыслом
невнятно различим...
* * *

Роса,
извилист берег,
блесны натяжный свист...

О!...- это не измерить —
ты сам себе артист!

Длительность цвета

*«Друг! Неизжитая
нежность — душист»
М. Цветаева*

И столько накоплено чувств
душой неизжитой...
Сирени удушливой куст
цветёт позабыто.

И ты, словно он, но вовнутрь
врастаешь ветвями,
в валежнике собственных пут
саднишь лепестками...

Невидимое

...Но бывает — поймается взгляд
в сеть пейзажа-момента:
ты стоишь — из событий изъят —
образцом монумента;
наблюдаешь — с улыбкой бомжа,
что в лучах засыпает, —
небеса, где закатный пожар
между тучами тает.
Облака подошьёт самолет
полосою из мела,
щуплый месяц проявится в свод
кожурой бледнотелой,
охлаждённая вызреет высь,
все цвета затеняя...

И любая насущная мысль
утекает — пустая.

Осенняя бескрайняя...

В березовой аллее полудикой,
где летнее тепло себя хранит,
утрами старичок коляску в бликах
ведёт через лучи, на солнца вид...

Там веток колыханье малосильно,
а воздуха растительная снесь
так стужена, что отливает синью:
не верите? — придите посмотреть!..

...Проснусь. Квартирка мамы.
Отпуск длинен.
В распахнутом окне один сюжет:
Младенец на руках. Единство линий.
И купольный над ними вьётся Свет!

Кровиночка — в пелёнках белоснежных...

В наивной отрешённости Творца —
седой старик, распахнутый безбрежно!..
Жаль, он не видит своего лица:
в нём — чудо человечьего Начала,
в нём — райское блаженство Бытия!
Он что-то говорит, поёт, качает...

И, кажется, в пелёнках, - это я...

Неизреченное
(Онегинской строфой)

Не покажу себя слезами,
вовне не выплеснусь душой,
сочусь незримыми словами,
не видя плоский мир чужой...
Строфой его не растревожишь —
пусть ты Поэт по воле Божьей,
капризной Музы господин,
язычник в венчике седин.
Мир опостыленно прекрасен,
соединен с тобой Стихом,
глядишь бездомным чудачком.
лишь самому себе опасен...

Слепляешься в цепочки букв,
как пластилин из Божьих рук...

Приземление

Спотыкаюсь о корни берёз,
вереницей событий гонимый.
Хлещет жизнь, волочит на износ,
а оглянешься — неуловима,

словно воздух, картинки небес,
что разнятся со скоростью вдоха;
так невидим заживший порез,
ров, сокрывшийся в чертополохе...

Что таится в оттенках листвы,
засыхает в травинках белёсых?...-
если это не чувствуешь ты,
то и жизнь твоя серополоса.

Расточаема силой ума,
невротична, избыточна в целях.
Бой со временем — самообман,
круговерть на пустой карусели.

Только вольным даются пути
в совпадении с ритмом сердечным.
Перегрузка инстинкту претит,
а дорога пока не конечна, -
лишь роняет тебя у корней —
созерцай их тугие извивы,
или — вскакивай — падай сильней
и лови совпадений мотивы.

Не поддаться инерции дел,
не питаться энергией гона...

Не случайно споткнулся — влетел
в эти корни, что с детства знакомы.

Здесь впервые поймал мотылька
и убил, придавив ненароком —
долго плесенью пахла рука
вперемешку с берёзовым соком.

Посмотри на тропу муравьёв —
кто отмерил им скорость движений?

Век зачавшийся вновь изойдёт —
ритм останется без изменений!

Что ты видел в дороге вчера? —
связки действий и промельки фактов...

День обрубком упал с топора
и распался в преддверии «завтра»...

Необратимое
(японский сонет-рэнга)

Осень — на листьях...
Каждый узор обречён
и уникален.

Сохнут рисунки,
усугубляя печаль
возраста жизни.

Кисти лучей так мутны,
словно немывы,
скупо скользят по ветвям,
не согревая...

Коллекционер впечатлений

Верхние ветви — ледышки литые, -
вольный контраст декабря:
струи скользящие, слипшись, настыли,
словно ростки янтаря.

Россыпью солнце с деревьев лучится,
льется - сверкая, звеня.
Кажется зовом неведомой птицы
трель болтуна-воробья.

Прихоть сияния, игрище бликов... -
ветер не смеет подуть —
веет, касаясь ласкательно тихо,
предупредительно чуть...

С кем поделиться сокровищем красок
и разноречием чувств?..
День световой убедительно краток,
воздух синеюще густ.

Копи цветистые ночью пригаснут,
лёд утончится слегка.
Завтра, наверно, возьмется ненастье —
гаснет закат в облаках...

Темное время зимы

Светлел, размазывался сумрак...
Безлично вдавливался день,
как грязный бок дорожной фуры,
на повороте давший крен.

Муть монотонной жизни дланью
тянулась ленно из окна.
Сквозь перекрестья шторной ткани
ехидно скалилась луна.

Нешадно ветер на балконе
терзал жестянки, прочий хлам;
и песнопение воронье
усугубляло общий гам.

Ввинтить бы голову в подушку —
абсурд любого сна принять,
но мысли-змейки жалят-сушат,
трактуя день, как благодать.

Ну, встану,... обихожу тело,
вжую энергию еды.
Везде оставит свет умело
свои невнятные следы.

Прикинусь бодрым, оттанцую
в объятьях выползыша-дня:
ведь близок вечер — сброшу сбрую...-
и заполучит ночь меня.

Светлана Сударикова
(Мари Веглинская)

Окончила Литературный институт им. Горького, пишет прозу и верлибры, член МСП «Новый Современник», член Московского литературного объединения «Моссалит», главный редактор литературно-просветительского интернет-журнала «Московский Базар».

С некоторых пор больше всего на свете ему хотелось стать птицей. Легко, легко оторваться от земли и взмыть к облакам, пусть даже обжечь крылья, как Икар, только бы оторваться. Но вся его жизнь была чередой условностей и обязанностей, которые он исправно выполнял день за днем, год за годом, не в силах разорвать замкнутый круг, в который поместила его судьба.

С детских лет он был послушным и воспитанным мальчиком. Ровно три раза в неделю мама отводила его в музыкальную школу, упорно не замечая деликатные намеки преподавателей на отсутствие у ребенка слуха, и он старательно играл и играл, изучая бессмертные творения великих маэстро. Он терпеливо водил смычком по струнам, с тоской глядя в окно, где школьные товарищи беззаботно гоняли мяч по свежеподстриженным газонам, с детской непосредственностью отдаваясь веселой забаве. Как ему хотелось бросить ненавистную скрипку и, легко съехав по лаковым перилам, выбежать во двор, чтобы присоединиться к игре и точным броском послать мяч в ворота под восторженные взгляды девчонок! Но мама, строго сдвинув брови, говорила: «Надо играть!», и он настойчиво продолжал извлекать из бедного инструмента фальшивые звуки, натирая на подбородке мозоль.

Потом он все-таки стал футболистом, но это опять же благодаря маме, решительно порвавшей с его музыкальным прошлым с целью вырастить здорового и выносливого ребенка. Это была единственная счастливая случайность, когда его истинные желания совпали с желаниями тех, кто ловко и аккуратно умел расписать его жизнь. Он даже стал думать, что теперь так будет всегда, и в конце концов его внутренне идеалы и стремления достигнут цели и он станет тем, кем хочет быть.

Он родился в семье потомственных юристов, еще его дед носил мантию судьи, а отец был известным адвокатом в городе, и, следовательно, только этот путь видели мама с папой для своего послушного сына, и, выслушав сбивчивые рассуждения мальчика о карьере футболиста, мама твердо ответила: «Это не профессия».

Он окончил школу, получив великолепный аттестат, и без труда поступил в университет, на юридическое отделение, а вовсе не туда, куда тянуло сердце. Он должен был стать адвокатом и стал им, и это «должен быть» превратилось в идеологию всей его жизни. Где-то в самой глубине души он ненавидел себя за эту слабость, за излишнюю мягкость и неумение настоять на своем, но, даже презирая временами себя, он все равно не имел сил что-либо изменить, предпочитая двигать все время по течению, искусственно созданному для него другими. Так было проще и спокойнее, безболезненнее и безопаснее. Он выбрал путь наименьшего сопротивления, предпочитая идти на компромиссы и стараясь обходить острые углы, и даже сдаваться, если того требовали обстоятельства. Воля - вот чего ему не хватало, слишком слабой и не развитой она была, а мысли об этом он спрятал на дно сундучка, хранящего самые сокровенные тайны его души. Его мир сделался миром других, его жизнь превратилась в жизнь тех, кто окружал его, его правилами стали правила, которые написали для него другие, а его кодекс - кодекс послушания и примиренчества - носил вполне четкий заголовок «Должен быть», и в конце концов это вошло в привычку и стало нормой, неписаным законом.

На последнем курсе университета он женился. Его супруга, красивая брюнетка с гладко зачесанными волосами и чувственным ртом, заняла в его жизни то место, которое освободила по обоюдному соглашению для нее его мама. Жена точно знала, как надо жить и что делать, и, конечно же, ей было доподлинно известно, какие обязанности лежат на муже. Эта властная женщина всегда была права, то, что она предрекала, непременно сбывалось, то, что она хотела, - было обязательным для выполнения.

Человек, который хотел стать птицей

Сначала он любил ее. Ему даже было хорошо и спокойно рядом с ее решительностью, но вскоре семейная жизнь превратилась в такую же обязанность, как и все остальное, чем занимался он изо дня в день. Однажды она сказала, что надо уехать из этой страны, поскольку в тесных улочках местных городов слишком мало места для осуществления её жизненных планов, рассчитанных на долгие годы.

Он и сам не знал до этой минуты, как дорог ему его маленький город, такой родной и знакомый, пахнущий розами и каменной сыростью старых мостовых, хранящих беспорядочные узоры его следов, оставленные, когда он был еще ребенком; где каждый переулок - крохотная родина, бережно хранящая печать его тайн. Он любил до щемящей боли в сердце рыжие черепичные крыши низеньких домиков и старые флюгера на закопченных трубах, молчаливые, средневековые соборы с их строгими крестами, как знамение, парящими над городом, и уютные скверы, тонущие в разноцветном мареве цветов; а еще он любил море, горький привкус его волн и соленый ветер, упоительную свежесть разрывающей легкие. Ему нравилось ранним утром бродить по холодному пустынному пляжу и смотреть, как море моет белый песок в своих мутных водах, выбрасывая изредка перламутровые ракушки и мертвых рыбок, а вечером развести в дюнах костер и, поплотнее застегнув куртку, наблюдать божественное воссоединение воды и неба, сливающихся на горизонте в единое целое.

Но долг заставлял оставить все это во имя бесконечной погони за неведомым и золотым тельцом, и он вновь смирился с обстоятельствами.

Они уехали далеко-далеко, без права вернуться назад, в совершенный мир неоновых городов, где было все, о чем он мог когда-то только мечтать. Его воображение поражали сверкающие витрины дорогих магазинов и изобилие самых разнообразных товаров, назначение многих из которых он даже не знал, ему нравились большие и красивые автомобили, с ревом пронесшиеся по широкому проспекту; с восторгом смотрел он на шикарные дворцы, великолепные фонтаны и чистые, изумрудные скверы. Но в этом раю не было моря, а грозно нависшие над городом горы скрывали от его взора закат.

Вот тогда-то впервые он и захотел стать птицей, чтобы подняться над этими горами и улететь туда, где навеки осталось его сердце, хоть ненадолго, хоть на несколько минут, чтобы только набрать полные легкие морского бриза и вернуться к делам снова. Он выходил на просторный балкон своей уютной квартиры, закрывал глаза и мысленно устремлялся в небо, растворяясь в лазурной чистоте.

И вот однажды он встретил девушку. Она, как свежий ветер, ворвалась в затхлое помещение его жизни, перевернув все вверх дном. Ему нравилось в ней все: ее глаза цвета янтара, ее голос, подобный звучанию арфы, ее улыбка, но особенно волосы, пахнущие чем-то горьким и терпким, напоминавшим запах далекой родины. Она стала смыслом всей его жизни, осознанной необходимостью, истинным счастьем. Она дала ему то, чего он никогда не мог иметь - возможность быть нужным. Он любил ее; просто любил, за то, что она иногда делила с ним вечера за уютным столиком какого-нибудь кафе, ничего не требуя и доверяясь во всем, ничего не заставляя делать, чего бы ему не хотелось самому; и он отдыхал в ее обществе, впервые наслаждаясь призрачным чувством свободы.

Однако эта желанная частичка его плененной души была слишком мала по сравнению с громадным чувством долга, которое каждый раз заставляло его возвращаться к властной темно-волосой женщине с чувственным ртом.

Он знал, что рано или поздно должен будет сделать выбор в пользу одной из этих женщин и даже знал, каким он будет. И это мучительное ожидание отравляло всю жизнь, делая ее просто невыносимой. Душа болела и страдала, но разум молчал, предпочитая просто ждать. Он плыл по реке между двумя берегами, один из которых был очень желанным, но слишком крутым, а к другому несло течением.

И вот роковой день настал. Он остался в его памяти острой, нестерпимой болью в сердце. Все смешалось: лицо жены, матери, дочери. Все вертелось и крутилось, как веретено в руках Прялки-судьбы, и в конце концов выбор был сделан, как будто даже не им, но он был со всем согласен.

Любимая простила его. Слишком хорошо она знала, как он слаб, слишком сильными были ее чувства к нему, и она ушла добровольно, по велению тех, кто стоял за его спиной.

Шли годы, и ее лицо, когда-то такое любимое и дорогое, потеряло в памяти былую четкость, подобно старой фотографии, долго повисевшей под солнцем. Он уже почти забыл янтарный блеск ее глаз и нежные объятия, в которых тонул, как корабль в крушении, а ее

голос превратился в тихое-тихое эхо, иногда вдруг возникающее в сердце неведомо откуда; вот только горьковато-терпкий запах волос так остался навсегда с ним. Иногда, шагая по шумным улицам, он вдруг ловил его в толпе, небрежно сорвавшийся с плеч какой-нибудь женщины, и воспоминания теплой волной омывали душу.

Он стал вполне respectable и уважаемым господином, его взрослая дочь заканчивала школу и вступала в самостоятельную жизнь, а за его плечами был нелегкий груз испытаний и опыта. Его давняя мечта стать птицей умерла и превратилась в осколок прошлого, но в самой глубине души с некоторых пор появился какой-то болезненно неприятный голосок сомнения, принимающий ночами образ темного человека в низко надвинутой на глаза темной шляпе и длинном темном плаще, который каждый раз навязчиво протягивал ему большие темные крылья и говорил: «На, примерь. Они подойдут тебе».

Наступила сорок четвёртая весна в его жизни. Мир тонул в опьяняющем запахе первых цветов. Счастливые влюбленные прятались ночами в магическом сиянии Луны и целовались под брачную музыку соловьиных оркестров. Какое-то дурманящее волшебство висело в воздухе и сводило с ума мистическим ароматом. Теплым субботним вечером вместе с семьей он выехал на трассу, и мощный автомобиль понес их подальше от городской сутолоки в таинственную прохладу гор.

Они забрались высоко-высоко, в маленький деревенский отшельник, где под окнами раскинула фиолетовые гроздья сирень, а на клумбах хлопала бархатными лепестками анютины глазки. Радужный хозяин проводил их в уютный прохладный номер и тотчас разжег камин, наполнив комнату легким запахом горящих поленьев. После плотного ужина и бокала хорошего вина они вышли на прогулку, походить по узким горным тропкам, скользящим меж скалистых ущелий. Они долго бродили, наслаждаясь чистым, прозрачным воздухом, пока не остановились на одной из смотровых площадок и замерли, пораженные открывшимся видом. Солнце уже почти село, лишь самый его краешек висел, зацепившись за снежную вершину. Там, в долине, золотые от заходящего светила виноградники ровными ручейками сбежали по холмам. Над черепичными крышами вился голубой дымок от топящихся печей, и крохотные, будто разноцветные жучки, автомобильчики неслись по узеньким дорожкам. На изумрудно-лазурном небе плыли огненно-красные облака, и мир дышал тишиной и покоем.

Он смотрел на это божественное великолепие, вдыхая острый запах весны, подобный вкусу молодого вина, но вместо вечерней долины отчего-то видел свою прожитую жизнь. Он проглядывал ее, как только что проявленную пленку, кадр за кадром, с того самого момента, когда стал осознавать себя человеком. Там было все: множество значительных и не очень событий, плохие и хорошие люди, радости и трагедии, будни и праздники, успехи и неудачи, но что-то очень важное там отсутствовало, что почему-то его страшно беспокоило. Он вновь и вновь просматривал кадр за кадром, пытаясь найти это нечто, но никак не мог, хотя чувствовал, что разгадка совсем близко, под рукой, и вдруг понял, с ужасом осознал - там отсутствовал он сам. Всю жизнь он жил, выполняя чужие желания и стремления, а своя собственная миссия так и осталась невостребованной, и валялась теперь где-то запыленная от времени и никому не нужная. Ему показалось, что еще можно все исправить и начать сначала. Он был вполне здоров и достаточно умен, имел хорошую работу и завидное положение в обществе, виды на будущее и вполне приличное состояние, хороший дом и крепкую семью, и все это держало его, а теперь вдруг показалось кандалами, от которых он никогда не сможет освободиться. Он не принадлежал себе совершенно. Слишком много воды утекло. К сожалению, ничего исправить он уже не мог.

От этой мысли сердце на миг остановилось, а душа похолодела от мучительного осознания, что так будет продолжаться долгие, долгие годы, до последнего выдоха. Он рассмеялся, невеселым, неестественным смехом, и жена с дочерью с удивлением посмотрели на него, словно не узнавая. А он смеялся и смеялся, как сумасшедший, и вдруг почувствовал, что в спине, как раз между лопатками, что-то засвербило и появилась тонкая, пульсирующая боль, подобная той, что испытывал он в детстве, когда резались зубы. И он понял, что это растут крылья. Тогда он обернулся, желая запомнить этот последний миг, и сделал первый самостоятельный шаг в жизни - шаг в пропасть.

Я сама видела, как летел он вслед заходящему солнцу, и все больше и больше становились его крылья, и он был похож на огромную птицу, свободно парившую над залитой золотом долиной.

Алексей Казарновский

Технар по образованию и роду деятельности, подмосковный житель, много путешествующий по работе и просто так для удовольствия. Попутно сочиняет стихи и песни. Член Московского литературного объединения «Моссалит».

Гражданская война

**Куда идти, какой дорогой?
И кто здесь пан, а кто пропал?
Как стал бессмыслицей убогой
Вчерашний светлый идеал,
Развенчанный судьбою строгой?**

**Вражды гранитная стена
Глуха для слова и для взора
И злом в квадрат возведена.
Здесь хватит каждому позора,
Зато на всех одна вина.**

**Нет в мире ни судов, ни правил,
Чтоб рассудить их, наконец,
И кто тут каин, кто тут авель,
Не знает даже сам Творец,
Ведь он давно их всех оставил...**

**И разве где-то брезжит свет?
Нет, ни в грядущем царстве хама,
Ни в райских кушах места нет,
Стоящим на руинах храма
Не осушить истоки бед.**

**И время не вернётся вспять
Смирить угар кровавой схватки
И злую ненависть унять.
Друг друга в смертной лихорадке
Им не простить и не понять.**

Диоклетиан

**Безжалостный гонитель христиан,
Поставивший полмира на колени,
Таким предстанет Диоклетиан
В туманных мифах поздних поколений.**

**Он власть держал железною рукой,
Пока была в том хоть бы капля прока,
А после удалился на покой
С несуетною мудростью пророка.**

**Сменил тогда без сожалений он
И римский мир, и все соблазны трона
На тишь дворца, что был им возведён
В родных предместьях древнего Салона.**

**Когда же стали звать его назад
Спасать империю от смуты и безвластия,
Посланнику он был не слишком рад,
Предвидя лишь заботы и несчастья.**

**И отвечал, спокойствие храня:
«Ах, если б видел ты, даритель искушений,
Какие овощи выращиваю я,
Ты б мне таких не делал предложений!»**

**Бывал он мудр и грозен, и жесток,
Умел хитрить, пережидать ненастье.
Казалось людям — перед ними бог,
И лишь над смертью был,
как все, не властен.**

**А жизнь прошла. Он думал о конце
Спокойно, ни о чем не сожалел,
И упокоиться решил в своем дворце
За каменной стеною мавзолея.**

**Но в суетно-безжалостных мирах
Не суждено покою вечно длиться.
Враги былые выбросили прах
Из саркофага сумрачной гробницы.**

**То были христиане. С этих пор
Глядят на мир другого бога лики,
А из гробницы сделали собор,
В знак поздней мести
мёртвому владыке.**

Алексей Казарновский

Семь баллов

Семь баллов, скажу вам,
ребята, — не шутка.
Тревожная тьма, непроглядная ночь,
И если не выдержит наша скорлупка,
То кто-нибудь вряд ли сумеет помочь.

Мерцает во мраке картушка компаса,
На качке вертась, как полуночный бес,
И светится тусклая млечная трасса
Над мачтою в пропасти чёрных небес.

А ванты гудят под порывами ветра,
И лодка врезается в гребень волны.
Тревожно, и так далеко до рассвета,
А, впрочем, и он не сулит тишины.

И кажется, сгинул весь мир в катастрофе.
Исчезло пространство, а времени бег
Застрjal в бесконечности чёрной, как кофе,
И яхта — последний вселенский ковчег.

И нервные шутки в двух метрах от ада
Бросаем мы ветру и грозной волне,
Хоть знаем, что это пустая бравада,
По сути, людей сухопутных вполне.

А яхту лихое дыхание шторма,
Как сорванный с ветки осенний листок,
Кренит и швыряет, и треплет упорно,
И гонит все дальше на юго-восток.

Туда, где над морем,
взъерошенным ветром,
Над краем воды, чуть заметно для глаз
Разбавлена ночь электрическим светом,
Где остров и тихая гавань для нас.

Туда, где нас ждёт благодатная Тира,
Желанный, но вроде бы призрачный дом,
Осколок погибшего, кажется, мира,
В реальность которого верим с трудом.

Но как бы суденышко наше не било
Свирепое море, качая весы,
Пройдут, унося наши бодрость и силы,
В упрямой борьбе со стихией часы.

И там, у причала далекого порта,
Где берег пьянит ароматами трав,
Задремлет пучина, вздыхая у борта,
Забыв свой крутой и неистовый нрав...

Семь баллов, скажу вам,
ребята - не шутка.
Тревожная тьма, непроглядная ночь...

Как некто душу продавал

Попал на счётчик мой герой —
Что ад ему, что рай.
Прижали так — хоть волком вой,
Хоть душу продавай.

И стал он чёрта звать тогда,
Крича в ночную тьму.
Явился чёрт: «Ну, в чем беда?»
Тот говорит ему:

«Я бабок взял у кореша,
Пришьёт, копь не отдам.
Послушай! Вот моя душа,
Недорого продам!»

Хоть чёрт и предвкушал навар,
И жаден был на вид,
Но всё же: «Покажи товар!» —
Герою говорит.

- «Товар отменный, посмотри!
Добротна, хороша!»
А чёрт своё: «А что внутри?
Покажь, что за душа!»

И, заглянув в неё до дна,
Промолвил не спеша:
«Она мелка, черства, грязна -
Не стоит ни гроша!»

Потом он вспомнил чью-то мать
И продолжал грубей:
«Дерьмо такое покупать
Не стану, хоть убей!»

С тем и оставил продавца,
И, пожелав всех благ,
Махнул хвостом, шагнул с крыльца
И улетел во мрак.

* * * *
Когда в долгах и ни гроша,
И впору чёрта звать,
Сперва подумай не спеша:
А есть ли что продать?..

Алёна Чубарова

С детских лет пыталась выбрать между литературой, театром и кино. Бросила наконец терять время на сомнения и теперь пытается совмещать служение всем музам одновременно (разве что Урания пока в стороне: к астрономии и вообще к точным наукам интерес чисто художественный).
Как актриса и режиссёр Алёна работала в самых разных жанрах: от хореографических шоу на арене цирка до камерных литературных постановок и радиоспектаклей; от серьёзных документальных фильмов до шуточных рекламных видеоклипов.
Как писатель она — драматург, прозаик, журналист, готовит к публикации даже научно-фантастический роман... Но это всё профессии, а вот Поэзия — состояние души.
Автор-участник Московского Салона литераторов.

От Осени до Осени

Иллюзия щедро. Под сенью клёна
По осени мерещится влюблённость.
Но листья падают,
и обнажённость веток —
В десятку, в яблочко,
в сиротство нервных клеток.
Иллюзия щедро: всё настезь двери!..
Как в пропасть — в право дани в дар
и в дар доверья.
Опавших листьев набери охапку
И милостыней брось небрежно в шапку.
И милостыней — в гордость,
в горечь, в горе...
А девушка в том листопадном хоре
споёт.

И, уколотившись верхней нотой,
Чуть пьяная от близости субботы,
От щедрости прощанья разомлеет,
И за ночь на полвека постареет.

* * * *
Мне снилась осень, и хотелось плакать
Не отчего, а в унисон дождю.
Слеза напоминает слово «слякоть».
Я слова привкус начертаньем длю,

Чтоб к осени не возвращаться больше
(Хотя без осени не будет круглым год).
Да что Париж, уехать бы...
хоть в Польшу,
Хоть в Антарктиду, только бы вперед,

Куда-нибудь, где раньше не бывала,
А мест таких на карте и не счесть,
Куда-нибудь, откуда бы писала:
«Скучаю. Жду. Спасибо, что Вы — есть!».

* * * *
А за городом звёзды такие...
Беззастенчиво лезут в глаза.
Их мерцающая аритмия
Мне сигналил то «против», то «за»...

По сугробам меж сумрачных елей
Продираюсь к значению сна.
Снежный наст ледяною постелью,
Но растает он: скоро весна.

Вся зима переполнена снами
И мерцанием знаков ночных.
Что весна теперь сделает с нами?
Где конец длинных писем моих?

В электричке поют и торгуют.
Город гонит мечтательность прочь.
Но не городу, а поцелую
Верю!
В сны верю, в знаки и в ночь.

Верю в письма и в снежное ложе,
В праздник песенного языка,
В то, что завтра я буду моложе.
В то, что тяжесть нам будет легка.

* * * *
Весь март проходили в зимних пальто.
Москва тебе не Париж...
Но разве в погоде виновен кто?
Жаловаться?.. Шалишь!

Да... Радости северные скупы,
Москва тебе не Версаль.
Течёт по улицам, как из трубы,
Но разве промокнуть жаль?

Весенней распутице страшно рад,
Кто зиму преодолел.
Москва — не Венеция, не Багдад,
Москва — город дел, дел, дел...

От этой выпренной суеты
В отдыхе он не силён.
Одна надежда, что мы — чисты,
Особенно, кто влюблён.

Любить по-московски — это кроссворд
Разгадывать на двоих.
То ли искусство, то ли спорт...
(А по-парижски — стихи!)

Весь март проходили в шкурах зимы,
И каждый в чём-то своём.
Кто же мы? Кто же мы?... Где же мы,
Другие, —
когда вдвоём?!

* * * *
Над клочком огорода
привыкшие к клавишам пальцы...
Оторваться от стула,
к лопате себя развернуть.
Ни на миг не забыть,
что мы все на земле постояльцы,
К заглубевшей ладони
сухими губами прильнуть.

От весенней земли
запах первого дня мирозданья,
Свежесть первых ночей
и податливость женственных форм.
Он сажал огурцы,
расширяя границы сознания,
И земле отдавал
затаившийся в сумерках шторм.
Над оврагом летят
золотистых жуков эскадрильи,
Шумный вечер сдаётся
на милость ночной тишине.
Где-то спят вдалеке
те, кого невзначай победили.
И вздыхает земля,
плодородная даже во сне.

* * * *
Город сказочный, но — чужой.
О своём затоскую вдруг.
Растревожит морской прибой
Пустоту неуёмных рук.

Порт огнями дрожит вдали.
Где-то к северу спит Москва.
На другой широте земли
Я угадываюсь едва.

На другой долготе волны
Чьё-то сердце поёт ли мне?
Если в выборе мы вольны,
То к чему поцелуй во сне?

В новых лицах ищу ответ,
От тебя (от себя) бегу.
Только стынет в заливе свет,
Мёрзнут лодки на берегу.

Город сказочный, город-миф,
Отыщи меня! Отогрей!
Научи меня, дверь открыв,
Не терять от неё ключей!

* * * *
Открытая страница тайной книги...
Закрытый пункт открытого письма...
На зеркале лежат ночные блики.
Он и Она вновь далеки вёсьма.

Его волнуют вечные вопросы.
Она во власти ветреных идей.
Их ангелы накапливают слёзы
И льют дождями в хлипкость октябрей.

По разным улицам, за разными дверями;
Хоть город и один, но мира два,
Где не «соприкоснуться рукавами»,
И кружится напрасно голова.

И не решить простого уравнения,
Где икс — у смерти,
игрек — у любви!
Он пишет книгу в жанре
размышленья.

Она уходит...
Крикни, позови,
Останови!.. Ещё не поздно... Что же
Ты медлишь?.. Отречение отмени!
На все вопросы только:
Боже... Боже...
Как много ночи уместилось в дни!

* * * *
Тихо-тихо. Дом спит.
Вещи спят, и спят люди.
Что болит — то болит.
«Не суди, и не осудят...»
Всё когда-нибудь пройдёт.
Где конец — там начало.
Боль уйдёт в свой черёд.
Будет встреча у причала
Или где-нибудь ещё
С кем-нибудь, кому надо.
Терпким выходящимся плющом
Прорастаю в глубь взгляда,
Взгляда в будущее, в ночь.
«Каждому дать по вере...»
Претерпеть, превозмочь
Холод в городском сквере.
Дом спит. Дом смывает
Слёз невыплаканных градом.
Пусть болит — что болит.
Даль близка. Чужой рядом.

* * * *
Зачем звезду, где так тебя ждала я
Твой звездолёт случайно миновал?
Закрылся межпространственный портал,
Осталась только дымка голубая...

Планеты обещают свой парад:
Сместятся оси, сменятся привычки.
И только в звуках дальней электрички
Неутолим космический заряд.

Не дожидаясь утренних часов,
Бессонницей, как вызовом, разбужен,
Ты смотришь в небо
межпланетной стужи
И, как глотка воды,
ждёшь главных слов.

.....
Но вместо звуков грусть улыбки тихой
И радость — не искать, а просто: жить,
Быть садоводом, поваром, портнихой, —
Не важно кем — шаги земные длить.

И опьянение воздухом и солнцем
Без веских уважительных причин,
И тень любви светящимся оконцем
В конце тоннелей и на дне вершин!

В запретных снах,
прорвавших все запреты,
В странице, перевёрнутой вчера,
И в горечи последней сигареты.
В будильнике, что верещит с утра...

Все мелочи, заметные не сразу,
Все камни в опустевший огород,
Как розы в ожидающую вазу...
В тот мир, где будет всё наоборот.

* * * *
Жизнь — в памяти разбросанные пятна...
Как краски осени —
большой осенний сад,
Где страсть деревьев
к ветру так понятна
Вуалям и плащам.
И наугад
Ложатся листья под ноги прохожим.
Старик с ребёнком зримо-неземны.
И зонтики на тросточки похожи,
Пока дождь медлит.
Лето ждёт зимы.
А листья кружатся... Деревья так верны
Осеннему обряду обнаженья!
Мы снова на любовь обречены —
У листопада учимся смиренью.

Анастасия Сойфер

Торонто, Канада. Родилась и выросла в Одессе; закончила филфак одесского университета; преподавала литературу и эстетику в профтехучилищах. Стихи писала с ранней юности; печаталась в периодике; побеждала на областных конкурсах молодых поэтов. Был круг людей, которые стихи мои знали и любили. Но, в основном, все годы писала «в стол». В Канаде с 1979-го. Уезжали на той «волне» без надежды когда-либо вновь увидеть родные места и оставленных близких - это отразилось в стихах. 4,5 года была автором, переводчиком и замредактора единственной тогда в Канаде русскоязычной газеты (военной иммиграции) «Вестник». Позже, получив новую специальность, 25 лет проработала в международной компьютерной корпорации. После долгих лет молчания, в последние годы вернулись стихи. Финалист поэтического конкурса «Эмигрантская Лирика» - 2012».

САД

От досад и от надсад,
От вопросов без ответа
Есть за домом дикий сад -
Мной взращён клочок планеты.
Маленький, заросший, мирный,
Неухоженный года,
Сад души - мольба Марины -
Незаслуженно мне дан.
Обладание - лишь степень
Ожиданья. Там, в саду,
Предвкушаю каждый стебель
И весной как друга жду.
Там содружество растений
Не в обиде в тесноте:
Всем хватает солнца, тени,
Влаги, счастья без затей.
Вновь цветения запой
На полотна бросит краски -
Без зазрения, без опаски,
Щедро, не гордясь собой.
От забора до калитки -
Измеренья ни при чём -
Всем - от птицы до улитки -
Право, песня и почёт.
Там непугано пирует
Мало-мальское зверьё,
Орошают ливня струи
Наше, Богово, моё.
Так Создателю, наверно,
Грезился творенья миф:
Без страдания и скверны,
Выросших между людьми.
И когда плодов и ягод
Чаша высшею рукой
Наполняется - без ядов,
Без подкормки хоть какой -
Всем - с достоинством и вдоволь,
Не убог никто, не мал,
Есть и сиротам, и вдовам.
Сад - утопия сама!
И одной только хозяйке -
Жизнь была, да вот , сплыла -
Не хватает скудной пайки
Человечьего тепла.

* * *

Ко мне иди - с уродливой бедой,
Непоправимою тоской, спеши
Сплошной ахиллесовой пятой
Усталой, несговорчивой души -
От сырых дней, от безотрадных лиц,
Автомобильных улиц-бесприют...
Садись к столу, спроси вина налить
И рядом усади - здесь вместе пьют.
Не пляшущее первое вино -
Сок солнечный, любовная купель :
Сад в сентябре, лоза почти в окно,
Тень облака, и сладкий,

сладкий хмель...

Последнего - на выжимках души,
Горчайшего, отравного, из вен
Испей - а слово молвить не спеши,
Не жди ни откровений, ни измен...
Моей, твоей - не помним красоты.
Дай руки на последний перегон,
Держась , как судорожные кусты,
За крайний обрывающийся склон.

* * *

Душа моя, как деревянный дом
Над океаном, на семи ветрах.
Старинный дом, где жизнь

была подробна,

Тучна, криклива, где рождались дети,
И с редкой почтой отсылались письма,

А в шторм свеча мигала на столе.
Еще я помню хриплые часы
И библию на полочке каминной.
Все умерли, разъехались, а дом
Заколотили, чтобы он хранил
Те запахи, и скрипы, и преданья,
И страхи детские, и поцелуи...
Моя душа - как этот старый дом
Над океаном, на краю земли.
Дом обречённый, где разбиты окна
И с четырех сторон впустили ветер -
Пусть больше ничего не уцелеет
От прошлого! Пусть выдует дотла.

КЕНОТАФ*

Я здесь живу, я здесь умру, наверно,
В стране, что мне вторую жизнь дала.
Прах Данте не Флоренция - Равенна,
Не родина - чужбина приняла.
Уже тогда была она стара,
Утратив море, блеск былых могуществ
Укрыв в базилик каменные куши.
Длинноты гулких улиц; зной; ветра.
Каким усталым он пришёл туда,
Из ада - ад пройद्या уже. Не рая
В тебе искал он, родина вторая:
Достоинства; приюта для труда.
Невелика Италия, но путь
От родины - попробуйте, измерьте! -
Что выёс из груди - и снова в грудь,
Тысячекратно жала, так - до смерти.
Что ж родина так горько унижала,
Не разгадав, не веря, не щадя...
Соблазна возвращения бежал он,
Всех смертных мира дальше уходя.
Пустует мрамор Санта Кроче. Тает
Закат, и в небе - надпись наискось:
“Его душа здесь больше не витает”.
И даже гроб вернуть не удалось.
В Равенне, в мавзолее - о, как мало,
Как поздно, родина - клейма не снять!-
Лампада светит флорентийским маслом
На эпитафию “...нелюбящая мать”.
...Лоб мраморный, привстав,

поцеловала,

Лист сорвала, взращённый той землёй.
Утихшая тоска из-под завала
Лет, оживая, выползла змеей.
Изгнанников и беженцев ролей
Не переписывали столетья.
Могу из них любого пожалеть я -
Моя лишь в этом с Данте параллель.

На озере

Спит озеро, дышит чёрными поймами,
Слился с водой берегов мазут.
Спят рыбы, что завтра будут пойманы,
И те, которые уплывут.
Спят утки, что завтра

будут подстрелены,

В зловеще шепчущих камышах.
Луна посветила тускло и зелено,
За остров скрылась, совсем ушла.
И лодке моей не доплыть до берега,
На камни лечь в водяном гробу.
Но чья-то рука зажигает бережно
Фонарь вдальке - на него гребу.
Господь, не гаси ещё

свет спасительный,

Зачем-то берёт, дай последний шанс!
...Причал, и старик с фонарём.

Спросить его!..

Уходит во тьму, ускоряет шаг.

Илья Липес

Живу в Торонто, Канаде, работаю переводчиком и нотариусом. Родился и вырос в Украине, в городе Первомайске Николаевской области. Учился в Нежинском педагогическом институте на факультете английского языка. Жил в Чернигове, Славутиче, Москве и в Иерусалиме. Руководил Литературной студией Чернобыльской атомной станции после произошедшей там аварии. Пишу стихи на русском и украинском языках; многие годы занимался переводом классической поэзии с английского, украинского и иврита на русский язык. Мои стихи и переводы неоднократно печатались в русских газетах и журналах Канады, США и Израиля. В 2008 году в Торонто вышла моя книга стихов и переводов на русском и украинском языках. Финалист всемирных поэтических фестивалей и конкурсов: «Музыка перевода», «Эмигрантская лира», «45 параллель» в 2011 году; «Пушкин в Британии», победитель конкурса поэтов-переводчиков фестиваля «Эмигрантская лира» в 2012 году.

Мэм, Вы беременны?

Больше всего мне нравится переводить тем, кто проходит сканирование в госпитале «Брансон»: весь процесс занимает 30-40 минут, а платят за 2 часа работы, да и добираться туда 5 минут - дорогу перейти. Но не всё куту масленица... Помню как-то прихожу переводить миловидной женщине, а та, буквально с порога, ошарашивает меня вопросом: «Скажите, на сколько лет я выгляжу? Только правду». — Слегка озадаченный, я честно ответил: «Ну, не больше 40». Женщина тяжело вздохнула: «Ничего не помогает. Я уже и краситься перестала». «А в чём собственно проблема?» - удивился я. «Да понимаете, мне ведь 57 на самом деле. А никто не верит. Куда ни придёшь, буквально часами проверяют, настоящая ли у меня медицинская карточка, вопросы дурацкие задают. Сами сейчас увидите». Действительно, работники больницы проявили небывалую бдительность, долго где-то пропадали с медицинской карточкой Валентины (так звали эту женщину), затем успокоились и попросили пройти к медсестре; та должна была ввести Валентине в вену иглу. Как только мы появились, медсестра сразу же спросила Валентину: «Вы беременны?» И ту вдруг прорвало: «Видите ли... с какой такой радости я могу быть беременной? В конце концов, это просто бестактно задавать мне такие вопросы...» Валентина говорила минут пять, причем ее речь была настолько убедительной, цветистой и виртуозной, что знаменитый адвокат Плевако, будь он свидетелем этого выступления, от зависти посыпал бы голову пеплом и принял обет молчания. Медсестра ошарашенно смотрела на нее, ничего не понимая. Я перевел: «Она не беременна». Сестричка возмутилась: «Валентина взволнованно говорила несколько минут, а Вы перевели ее ответ тремя словами. Как это понимать?» Я обреченно вздохнул и начал переводить: «Don't you know... What's supposed to mean? Actually, it's just in a bad taste to ask me such questions...» И так далее. Медсестра совсем ошалела: «Вы что пришли сюда издеваться надо мной? Я задала простой вопрос, который требует однозначного ответа «Да» или «Нет». «Послушайте, Валентина, - я старался говорить спокойно, - Вы можете просто сказать: «я не беременна». И всё. И больше ничего». Иглу ей все-таки ввели. По дороге в процедурную я сказал: «Валентина, перед тем, как ввести в вену красящее вещество, Вам обязательно зададут тот же вопрос. Я вас очень прошу, ответьте одним словом «нет», если Вы действительно не беременны, в чем лично я уже сильно сомневаюсь». «Да о чем речь? — Запросто» - бодро ответила она. Когда Валентину положили на кушетку и спросили: «Мэм, вы беременны?» она, посмотрев на меня, завела: «Видите ли... с какой такой радости...».

Дядя Йося, Драпкин и другие

У прибалтненного Вилли Токарева есть такие строчки: «Всех, кто кушает мацу, узнаю я по лицу». Меня не только узнают во всех странах и на всех континентах, но еще и приветствуют, принимая то за Боря из Минска, то за Эдика из Баку, то за Сёму из Риги и т.д. Перечислять можно до бесконечности. Особым вниманием я пользовался в Израиле. Как-то на одной вечеринке оказалось, что меня одновременно видели в Житомире, Кустанайской области и в порту города Находка. В Торонто всё продолжилось, хоть и с меньшим успехом. Одно время меня активно принимали, особенно в профиль, за Леонида Бердичевского, известного в нашей общине своими короткими рассказами, которые публиковались в русских газетах чуть ли не ежедневно. Поначалу я отнекивался, но потом мне это надоело, и я отвечал неопределенными фразами на все вопросы, критические замечания и комплименты: «Ну, это не однозначно. Тут можно было бы и поспорить. Ответ Вы найдете в следующем рассказе».

Первое время меня несколько раздражала такого рода «популярность», но затем это стало даже забавлять. Перед тем, как отправиться в поездку в какой-нибудь город или страну, я заключал с женой Мариной пари на предмет того, узнают меня или нет, и почти всегда выигрывал. А выигрыш был всегда один – 200 грамм куриного паштета, который мне под страхом смерти не позволялось есть, потому как холестерин. Исключением стала Аляска. Я имею в виду не само путешествие на корабле, где меня подкарауливал средних лет поджарый господин, пытаюсь выяснить, не являюсь ли я дантистом Драпкиным из Чикаго, который отказывается переделать передний мост во рту его любимой Ханночки. Нет, я говорю об экскурсиях по самой Аляске. Все эски-мосы, не говоря уже об англосаксах, смотрели сквозь меня и не узнавали. Мне как-то стало даже неловко за Аляску: не ожидал я от нее такой подлости. Но я отомстил хотя бы нескольким американцам, в упор не замечавшим меня. Будучи на экскурсии, я громко спросил гида, находимся ли мы уже на территории провинции Юкон в Канаде и, убедившись в правильности моего предположения, рявкнул: «Янки, гоу хом!»

Если всерьез, то лишь однажды, после посещения Парижа, у меня надолго остался горький осадок от «узнавания». Лет пять назад я был в гостях у своей сестры в Берлине. Раз уж попал в Европу, хотелось увидеть что-нибудь ещё, кроме Германии. Две поездки в Чехию и в Голландию сорвались, так как не набралось достаточно туристов. Времени оставалось в обрез, и я решился на двухдневную поездку в Париж. Честно говоря, никому не пожелал бы такого туризма: за три ночи мне удалось поспать всего 5 часов; Эйфелева Башня, Елисейские Поля, Лувр, Версаль, бесконечные дворцы и памятники мелькали сплошной вереницей с 6 утра до полуночи. В то же время нас практически обязали посетить какую-то подозрительную парфюмерную фабрику и кабаре.

В Париже мы остановились ненадолго на Монмартре. Как только я вышел из автобуса, ко мне на шею бросился какой-то невысокий старик: «Марик, - кричал он, - Ты откуда? Ты где сейчас? Как там Полина?» Я слегка опешил, осторожно отвел его руки и сказал: «Я не Марик. Вы, очевидно, ошиблись.» Но он продолжал: «Ты же Марик Бродский из Бобруйска! Это же я, дядя Йося с Краснофлотской!» «Дядя Йося,- спокойно ответил я.- Я – не Марик. Я никогда не был в Бобруйске и, к сожалению, вряд ли когда-нибудь буду». Старик как-то сразу же обмяк, потускнел и жалобно пробормотал: «Ну, так извиняюсь. Ну, так и не надо». Он медленно отошел к своему автобусу и продолжал говорить, обращаясь в никуда: «Раз ты стал таким важным, что не можешь сказать «здрасьте» дяде Йосе, так не надо. Таки обойдись. Когда нужно было недорого пошить костюм, одолжить деньги, устроить ребенка в детский садик дядя Йося был нужен».

Жаль, если этот добрый старик не узнал, что Марик Бродский не виноват перед ним.

*Прах Данте покоится в Равенне, где он провёл последние годы жизни, которую полюбил, и где был написан “Рай” (последняя часть трилогии “Божественной Комедии”). Во Флоренции, на родине поэта, откуда он был изгнан, в базилике Санта Кроче, построена пустая гробница (кенотаф). Из Флоренции ежегодно доставляется оливковое масло для светильника, горящего в мавзолее поэта в Равенне.

Переводы

Ильи Липеса

Emily Dickinson
No. 1114

The largest Fire ever known
Occurs each Afternoon —
Discovered is without surprise
Proceeds without concern —
Consumes and no report to men
An Occidental Town,
Rebuilt another morning
To be burned down again.

Всё пожирающим пожаром
Пылает город что ни вечер. —
Народ? — Ему и горя мало.
Он безразличен и беспечен:
Заметит утром пепелище
Среди злосчастий разных прочих,
А всё, что заново отстроит,
Опять сгорает ближе к ночи.

№ 185

“Faith” — is a fine invention
When Gentlemen can see —
But Microscopes are prudent
In an Emergency.

Хороша задумка — Вера:
Прозревать удобней скопом,
А приспичит приглядеться —
Побежим за микроскопом.

№ 1108

A Diamond on the Hand
To Custom Common grown
Subsides from its significance
The Gem were best unknown —
Within s Seller’s Shrine
How many sight and sigh
And cannot, but are mad for fear
That any other buy.

Уже обычным видится кольцо
На празднике — и даже на прогулке,
Но правильной цены никто не даст,
Когда оно упрятано в шкатулке.
А у витрин глядит на жемчуга
Убогая толпа, в тоскливой муке,
Страшась, что это не её добро,
Вдруг перейдёт в другие чьи-то руки.

No. 1106

We do not know the time we lose —
The awful moment is
And takes its fundamental place
Among the certainties —

A firm appearance still inflates
The card — the chance — the friend —
The spectre of solidities
Whose substances are sand —

Однажды мы лишаемся родных —
И этот час нам никогда неведом.
Приходит он, становится былым...
Потом — другой...
и очень часто — следом.

Явления, ощущаемые зримо:
Шанс, фотоснимок, друг — одна тоска:
Они упорно раздувают призрак
Надёжности того, что из песка.

No. 135

Water, is taught by thirst.
Land — by the Oceans passed.
Transport — by throe —
Peace — by its battles told —
Love, by Memorial Mold —
Birds, by the Snow.

Мы ценим воду только после жажды
И сушу, в дикий шторм попав однажды,
Нам, повидавшим горе, праздник нужен,
И мир, когда война стучит в ворота,
Зовём любовь, устав глядеть на фото,
И птичий щебет вслед
за мёртвой стужей.

Галя Вороненко

Живу в США. Люблю шарфы, джинсы, бере-
ты и хипповые ботинки. Не люблю готовить еду и
календари. Люблю кошек, новые города, океан и ду-
шистые туманы. Играю на клавишах, но люблю ги-
тару. Обожаю детей, семью, друзей и бездомных му-
зыкантов. Иногда из всего этого получаются стихи...

Я

Покидая кровати логово,
изо сна выдираясь с треском,
попадая ногой неловкою
в тапки старые пяткой детской,
я себя ощущаю лютиком
на тропе беспощадной леса.
Зацветая, когда получится,
отцветая без интереса.

В общем, слабое я создание,
отстранённое и без цели.
Отрицание отрицания,
совпадение Фомы с Емелей.
Зажигаю на кухне лампочки,
и пчела, прожужжав, влетает.
Попадаю ногою в тапочки —
хоть куда-то я попадаю...

СЕРЫЙ ЛЕБЕДЬ. ЛОНДОН

Вдоль Темзы, сэр!...
глицсандо узких улиц,
старинных крыш ночное серебро,
фонарь, явивший тьме медовый улей,
столба викторианское ребро

из переулка. Мост застыл поклоном,
подав ступени и нюанс перил...
Шагает, не спеша, весёлый Лондон,
один, без свиты. Дождь смывает грим

с часов, что прилепились ухом нежным
к груди великолепного дворца.
В домах пьют чай янтарный,
как и прежде.
Венчает холм прелестная овца,

застывшая картиной утончённой,
чуть дальше — дама с парочкой собак...
Несет потоки классов разобщённых
коммуникационная труба.**

Плывёт туман, раскидывает невод
и лондонский укутывает Глаз,
овцу, собак. А дама, будто Ева,
не принимая стиль туманных ласк,

ступает прочь надменною миледи
в толпе викторианских мрачных стен.
Перо надежды Лондон — серый лебедь-
теряет вскользь, как истый
джентльмен!

**Communication tube - один из прикольных
атрибутов фильма “Асса” Сергея
Соловьёва.*

***Tube - метро в Лондоне.*

ЮТСКОЕ КУРИТЕЛЬНОЕ

Луна — небесная матрёшка
плывёт, пленительно-свежа.
Большой изогнутою ложкой
висит созвездие Ковша.

...и ты, в межзвёздных дымных ямах —
не хулиган и не монах —
замрёшь на миг тибетским ламой,
а может, «облаком в штанах»...

А может просто — ум-за разум?
Свернешь сигарой ломкий лист...
И подмигнёт нахальным глазом
благое семя конопли!
...кто не курил, в дымах не плавал
среди ютских пламенных камней,
кто не сторал в потоках лавы
шалых, полуденных лучей —

тот не услышит ветер страстный,
что так пугает старых жаб,
срывает шляпы, крыши, маски,
дождливым банджо дребезжа;

тот не познает сладость колких
ладоней звёзд. Там, в вышине,
блистает небо, словно ёлка —
из детских снов подарок мне...

А ветер дым пахучий стелет
и превращает Ковш в Грааль...
... Летишь ты, позабыв о теле,
среди звёзд, красивый, как рояль.

СИНИЙ ЛЕС

Ты теряешь осенний наряд.
Задыхаясь, бормочут дожди.
Лист зелёный причудливо дик
среди пастельной тоски ноября,
среди холодной, угасшей любви...
Дождь капеллит прощальный рег-тайм.
В перелётном венчании стай
незаметна измена листвы.

Ветер снег наматает на ус,
вдоль тропы изогнётся дугой.
Разметелится, топнет ногой,
снежно выдохнет: «Скоро вернусь!»
И подарит нарядную взвесь
жёлто-красных изысканных ос.
А бездомный, испуганный пёс
лапы спрячет в поникшей траве...

Иероглифом синего льда
замирает мерцающий лес.
Лишь ползёт по озябшей земле
влажной тенью туман, как удав.
...Синий лес охладел и замёрз
под крылами дрейфующих стай.
И на ветках развесил хрусталь
бестолковый, осенний мороз.

ГОРОД КАМЕННЫЙ

Город с дымною сизою гривой
каменеет кубической каплей...
И подъезды глотают лениво
человечьи потоки, как устриц.
Там рекламы отточенный скальпель
рассекает сплетение улиц,
разрезает палёные крыши.
Город корчится в гуще кофейной.
И ползут, как ослепшие мыши,
по проспектам дыммы испарений...
Тот, кому надоело inferно,
может просто уехать в деревню...

А в деревне — живые ограды,
меланхолия домиков дачных.
И озябшие аристократы —
индюки. И врачующий воздух.
Без сомнений, пейзажи удачны,
небо, сочной сиреневой гроздью,
наливается утром. Но в город
возвращаешься, весело споря
сам с собой - равновесие вздорно
и лукаво, как женская шляпа.
Город яблоком катится к морю,
и ему всё равно, где ты шлялся.

АЛЛЕГОРИЧНО

Аллегорично, сумрачно и вяло.
Бреду через пустыню по песку -
песчаные верблюжьи перевалы
и хлещет солнце.

Еле волокусь,
переставляя медленные ноги.
...Химера вод бесстрастно далека.
Лишь шорох пыльной призрачной дороги.
Напиться вволю, отдохнуть слегка...

Но камнем - небо! Сердце еле бьётся,
В песке по ноздри, солнца антураж.
И чья-то тень за мной змеёю вьётся,
спиралью формируется в мираж.

...Захлёбываясь черной вязкой дрянью
кричать не стану. Всё равно одна.
И зыбкой поглощаемая тканью,
мечтаю об одном глотке вина...

Песчаный зверь выкручивает руки,
но я ползу, презрев пустынный ад!
...А вертят колесо всё те же суки,
всё те же, что и сотни лет назад.

ВИХРЬ

...И взвился вихрь!
Заставил солнце жечь,
смахнув небрежно тучи с пьедестала.
Дорог коснулся вскользь
и пыльный жест
оставил в обожжённых, нервных скалах.

Он мчался и гудел, ненужный, злой,
взрывая лес, кромсая моря сферу!
И в соприкосновении с землей
он был клинком, что беспощадней зверя!
Ветрами сыт, бесстрашен был и крут.
Конический бокал с пьянящей взвесью
крутил, хмелея сам! И, словно спрут,
развешивал чернильные завесы.

Впивался он, безумием ведом,
в земли изголодавшееся тело.
...усталый горизонт стелил бордо,
луна циничным яблоком желтела...

...а вихрь, сломавшись в воздухе пустом,
дышал на ладан и сорил дождём...

ДУРАЧОК

Жил-да-был дурачок. Беззаботно мечтал,
танцевал по ночам до зари...
Но Наставник пришёл — дураку не чета,
постучал — дурень дверь отворил...

И продал за пятак свой
доверчивый взгляд,
за пустышку — жемчужину грёз,
за пустяк - разноцветие пёстрых заплат,
и любовь — за поломанный грош...

И купил за авось — равнодушия хлад,
очевидность тоскливых идей;
три мешка болтовни и
сомнительный клад,
состоящий из нужных людей.

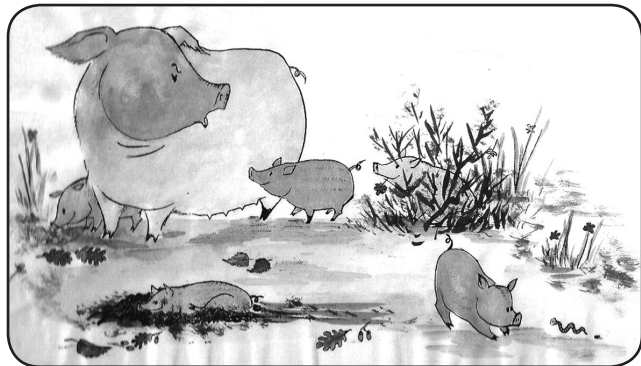
Где причудливость лба
и доверчивый взгляд -
там и дьявол, забросивший удочку зла.

Дверь, конечно, нельзя
открывать без ума...
Только умный — он тоже
не филин впотьмах..

Майя Шварцман

Бельгия

Рисунки автора

ПРОГУЛКА

На прогулке вся семья:
Поросята и свинья.

Пять довольных поросят
Веселятся, как хотят.

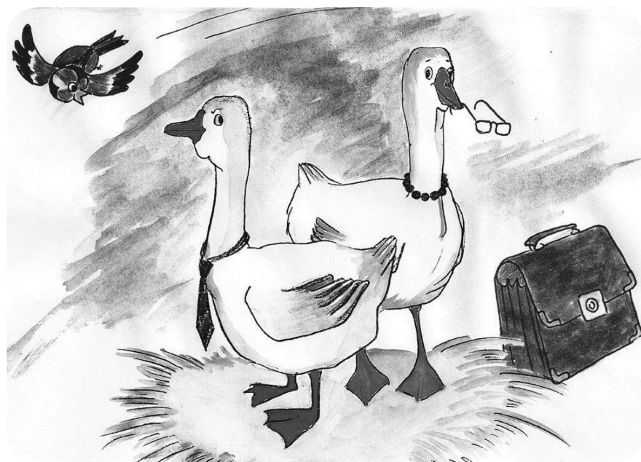
Кто-то нюхает цветы,
Кто-то спрятался в кусты,

Кто-то к маме прибежал,
Кто-то просто в грязь упал.

А последний поросёнок
Любопытный был ребёнок.

На дорожке из песка
Он увидел червяка,

Удивился и сказал:
- Кто-то хвостик потерял!

ГУСИ

Посмотрев на календарь,
гусь сказал гусыне:
«Вот и лето. Где букварь?
Где мой галстук синий?»

Не забудь мои очки,
дай портфель тяжёлый.
Ждут меня ученики
на пороге школы.»

В изумленье клюв открыв,
говорит гусыня:
«В школе летний перерыв,
Школы нет в помине.»

Пролетавший воробей
тоже прочирикал:
«Нет уроков у детей!
Шесть недель каникул!»

Гусь ответил: «У людей
в отпуске ребята,
но в семьях у гусей
подросли гусята.

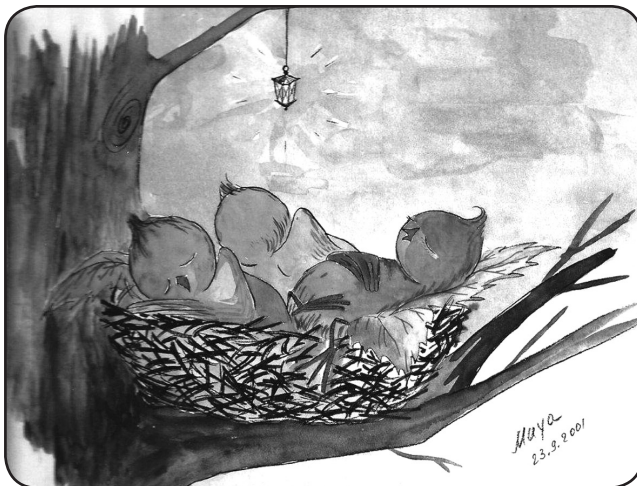
Их пора учить летать,
без ошибок плавать,
чистить перья и нырять,
разбираться в травах.

Отличать на вкус шпинат
от зерна и лука.
Это в школах для гусят -
целая наука.

Чтобы знали, что зимой
лёд бывает тонок,
чтобы путь найти домой
мог любой гусёнок,

мог искать жуков в траве,
не боялся грома,
не попался ни сове,
ни орлу степному.

Чтоб любой расти бы мог
умным и весёлым.
Я не просто педагог,
я директор школы.»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ САШИ

Ночь пришла, темно везде.
Спят птенцы в своём гнезде.
Слышишь, Саша? Тихо спят,
Только клювики сопят.

Не кричат всё время «нет!»,
Если мама гасит свет,
Не выходят на прогулку
И не просят ночью булку.

Не зовут всё время маму
Снять носочки и пижаму,
Не зовут всё время папу,
Не бросают кукол на пол.

Из постели каждый час
Не встают попить сто раз,
И с водой большую кружку
Не роняют на подушку.

Не пинают одеяло,
Если просто жарко стало,
И не прыгают в кровать,
Простыню сбивая в складки.

Тихо спят, послушай, Саша,
Все ложатся в доме нашем.
Этой сказочке конец.
Спи спокойно, мой птенец.

ПИРАТЫ

Однажды пираты
схватили лопаты
и золота толстый кусок,
приплыли на остров
и золото просто
зарыли в прибрежный песок.

Другие пираты
украли лопаты
и стали вперёд и назад
по острову рыскать
без всякого риска,
искать захороненный клад.

Но как ни копали
в горячем запале,
и всё перерыли вокруг,
нигде ни монеты,
и золота нету,
как будто растаяло вдруг.

Не могут пираты
смириться с утратой,
с пустыми руками уйти!
И тут же решили
без шума и пыли
весь остров с собой увезти.

Ругаясь угрюмо,
заполнили трюмы,
землёй нагрузили корвет,
как ложку за ложкой -
гребли понемножку,
и вот уже острова нет!

...Приходится вкратце
в конце сознаваться,
что остров тот был не широк,
что нету пиратов,
что ложка - лопата,
а золото - масла кусок.

Земля - это каша
в тарелке у Саши,
и нет никаких кораблей...
Но с этой затеей
ей каша вкуснее,
и завтракать так веселей!

САПОЖНИК

Саша бегала, играла,
С горки прыгала в песок.
Вдруг у туфельки у правой
Оторвался ремешок.

Саша с мамой повздыхали
И к сапожнику пошли.
Только туфельку вначале
Отряхнули от земли.

В мастерской сидит сапожник,
Ловко держит молоток.
Пахнет клеем, новой кожей
От ботинок и сапог.

У него запасов много:
Кнопки, пряжки, каблучки.
Только Саша смотрит строго,
Прячет сзади башмачки.

Наконец она решила
Говорить начистоту:
- Разве мама вас учила
Гвозди так держать во рту?

Страница из книги «Кошкина азбука»

Если так сложить хвосты,
то выходит буква Ы

Детская страница

Комарик

Было начало лета, солнце сильно грело, и воздух, играя над болотом, струями поднимался вверх. Порой казалось, что он живой и его можно потрогать руками. Над водой, словно маленькие тучки, кружили стайки комаров и мошек, а лягушки и жабы, громко квакая и прыгая, ловили их. Но так бывало днём, а когда приближался вечер и от болота начинало тянуть прохладой, тысячи мошек слетались сюда, а различные козявочки выползали из укрытий, поднимались на стебельки трав и грелись под мягкими лучами заката. Среди этих букашек был и маленький Комарик. Он совсем недавно появился на свет, но скоро понял, что, если не быть осторожным, можно легко попасть на длинный язык квакуньям.

— Что же мне делать? — раздумывал Комарик. — Нельзя же вечно бояться и прятаться в траве. Так можно всю жизнь прожить и ничего не увидеть. Однако и летать тоже опасно. Вон сколько этих лягушек повсюду расселось, и каждая только и норовит поживиться. Ещё эти стрекозы летают. Не заметишь, как собьют, и окажешься в воде. Мигом всё налетят... Даже в траве нельзя спрятаться. Везде огромные жабы расселись. Глазом не успеешь моргнуть, как попадётся им на обед. Трудная жизнь у меня, опасная... Что же всё-таки мне делать?

— С кем это ты разговариваешь? — подползла к Комарику Зелёная Козявочка. — Сколько ни смотрю — никого не вижу. Комарик и не заметил, что уже стал вслух рассуждать.

— И прошу тебя, не говори про жаб, — прозвенела Зелёная Козявочка. — Я так их боюсь. Только что одна из них проглотила мою лучшую подружку. А она была такой весёлой, такой зелёненькой. Никогда бы не подумала, что её можно заметить в траве.

— Ну вот, сама такие страшные истории рассказываешь, а мне запрещаешь говорить про лягушек и жаб, — жалобно пропищал Комарик. — Это же совсем нечестно.

— Давай лучше дружить, — предложила Зелёная Козявочка.

— Будем настоящими друзьями.

— А что такое дружить? — удивился Комарик. — Жить — знаю. А это дружить откуда появилось?

— Какой же ты непонятливый, — рассмеялась Зелёная Козявочка. — Придётся тебе объяснить. Дружить — это рассказывать друг другу всё, что знаешь, даже самые большие секреты. Теперь понял?

— А что такое секреты? — ещё больше удивился Комарик. — Они вкусные, их можно кушать?

Тут Зелёная Козявочка залилась громким смехом:

— Ты словно с Луны свалился. Ничего не знаешь.

— Я только вчера родился, и мне уже один день, — гордо произнёс комарик. — И ни с какой Луны я не падал, а вон в той осоке на свет появился. Меня даже чуть не съела лягушка, но я ловко увернулся.

— Это так говорят, что с Луны свалился, — стала объяснять Зелёная Козявочка. — А на самом деле никто оттуда не падает. Так будем дружить или нет?

— Ладно, — согласился Комарик.

— Только обещай, что ты надо мной больше не будешь смеяться. Раз уж ты мой друг, — обрадовалась Зелёная Козявочка, — я тебе открою самый большой секрет. Неподдалёку отсюда лежит яблоко. Его, видимо, обронили. Оно такое вкусное. Не сравнить даже с молодой травкой. Я его уже третий день всё ем и ем.

— Яблоко, — уныло произнёс комарик. — Я знаю, о чем ты говоришь, но не знал, что оно так называется. Оно мне совсем не понравилось. Кислое и пахнет неприятно.

— Не понравилось? А что же ты тогда любишь? — удивилась Зелёная Козявочка. — Расскажи мне, как другу, свой секрет. Может, я чем-то смогу помочь.

— Ничем ты ему не поможешь, — подполз к ним симпатичный Червячок. — Комары не едят ни яблок, ни зелени.

— А что мы всё про еду говорим? — пропищал Комарик.

— Я не думал, что дружить так скучно. Пока лягушки сыты и греются под солнцем, давайте лучше немного полетаем. Знаете, как хорошо наверху. Оттуда все наше болото хорошо видно. Ну что, полетели?

— У нас нет крылышек, чтобы подняться в воздух, — приуныли Зелёная Козявочка с Червячком. Мы только умеем по траве ползать.

— Как же мы тогда будем дружить? — огорчился Комарик.

— Я не ем яблок, а вы не умеете летать.

— Да... Тут надо подумать, — изогнулся Червячок.

— Не получается у нас быть друзьями.

— Вот вы вдвоём и думайте, а я снова проголодалась.

— И Зелёная Козявочка поползла в сторону яблока.

— А о чём здесь думать? — приземлился рядом с Червячком Мотылёк.

— Зря не трудись, всё равно у тебя крылышки не вырастут. Эх, хорошо вам, — вздохнул Червячок.

— Можете порхать, увидеть столько интересного, а я всё тут, да тут.

— Да, не повезло тебе, совсем не повезло, — повёл малосенькими усиками Мотылёк.

— Был бы ты хоть чуточку поменьше, взобрался бы на меня, и вместе полетели бы. Увидел бы, какое болото большое и красивое. На той стороне растут много камыша и ещё лилии цветут. Тут Комарик увидел, что неподдалёку присел ещё один комарик.

— Присоединяйся к нам, — громко пропищал он.

— Мы здесь втроём дружим.

— Вот — Мотылёк, а это — Червячок. Жаль, что Зелёная Козявочка уползла. Она такая хорошая. — Но комарик испуганно запищал и улетел.

— Чего он так испугался? — недоумевал Комарик. — Я же ему предложил с нами дружить.

— Ты на них посмотри! Совсем страх потеряли!

Вдруг раздалось громкое жужжание.

— Расселись тут, мило беседуют и даже не видят, что их сейчас жаба съест. Это был небольшой Жучок.

— Жаба, жаба, — засуетились все.

— Где она?

— Вон за тем лопухом спряталась, — продолжал жужжать Жучок.

— Она давно за вами наблюдает. Даже не пойму, как вы ещё целы. Быстро уносите ноги, если не хотите, чтобы вас съели.

Мотылёк с Комариком тут же взлетели.

— А как же я? — жалобно проговорил Червячок. — Оставляете одного? А говорили, что друзья.

— Так нельзя, — пропищал Мотылёк Комарик.

— Надо во что бы то ни стало помочь Червячку.

— Но как спасти его? Что нам делать? — суетился Мотылёк. — Остаться рядом с ним и ждать, пока нас съедят?

— Вот как поступим. Давай, ты и Жучок подхватите Червячка, а я отвлеку Жабу, — храбро проговорил Комарик и полетел в сторону лопухов.

Жучок был прав. Огромная жаба спряталась под листьями, и её почти не было видно. Комарик подлетел к квакунье, стал виться перед ней и громко пищать. От удивления жаба приоткрыла пасть. Такого ещё не случалось в её жизни.

— Вот же глупый, — проговорила она. — Никогда такого не видела. Сам просится, чтобы его проглотили. Жаба чуть подпрыгнула, но Комарик ловко увернулся и тут же сел ей прямо на голову.

— Ну что, такой ли я глупый? — громко зудел он. — Хотела нас съесть? Сейчас покажу тебе, как обижать моих друзей. Так укушу, что будешь долго меня помнить.

Жаба совсем растерялась. Она попыталась языком дотянуться до храбреца, но это ей не удалось.

— Как хорошо сидеть на тебе, — продолжал пищать Комарик. — И летать куда не надо. Так и останусь навсегда у тебя на спине. Буду целый день кусать и ещё других комаров позову.

— Как это других комаров? — испугалась Жаба. — Меня нельзя кусать, это нечестно.

— А кушать маленьких, беззащитных червячков — это честно? — рассердился Комарик. — Сейчас полечу и приведу стайку моих друзей. То-то они обрадуются. Ты такая жирная!

Жучок был прав. Огромная жаба спряталась под листьями, и её почти не было видно. Комарик подлетел к квакунье, стал виться перед ней и громко пищать. От удивления жаба приоткрыла пасть. Такого ещё не случалось в её жизни.

— Вот же глупый, — проговорила она. — Никогда такого не видела. Сам просится, чтобы его проглотили. Жаба чуть подпрыгнула, но Комарик ловко увернулся и тут же сел ей прямо на голову.

— Ну что, такой ли я глупый? — громко зудел он. — Хотела нас съесть? Сейчас покажу тебе, как обижать моих друзей. Так укушу, что будешь долго меня помнить.

Жаба совсем растерялась. Она попыталась языком дотянуться до храбреца, но это ей не удалось.

— Как хорошо сидеть на тебе, — продолжал пищать Комарик. — И летать куда не надо. Так и останусь навсегда у тебя на спине. Буду целый день кусать и ещё других комаров позову.

— Как это других комаров? — испугалась Жаба. — Меня нельзя кусать, это нечестно.

— А кушать маленьких, беззащитных червячков — это честно? — рассердился Комарик. — Сейчас полечу и приведу стайку моих друзей. То-то они обрадуются. Ты такая жирная!

**Забившись под ванну, слегка завывал
Большой терпеливый бульдог,
Ценитель прекрасного долго страдал,
Но выдержать больше не смог:**

**- Серёга, не мучайте свой инструмент,
Культурно об этом прошу,
Критический вскоре наступит момент
И я Вас,**

**мой друг,
укушу!**

Наталья Капустнюк

Жаркий август

Гремело где-то.
Это лягушонка.
Неслась по небу в ветхой
коробчонке...
Потом всё стихло.
Видимо, в саду
Приют нашла
С кувшинками в пруду...

А дождь не шёл
И даже не закрапал...
Умчалась тучка.
Кукушонок плакал —

Ветреное чудо

**Наташка, ветреное чудо,
Весёлый, лёгкий сквознячок,
Летала быстро и повсюду!
Сегодня — мчалась на урок.**

**За нею с гоном летели
Тетрадь!**

**Скакалка!
Плед с дырой!**

**И два потрёпанных портфеля —
Друзей весёлых шумный рой!**

**На миг у парты приземлились.
- Большой привет! — сказали всем,
И свежим ветром в небо взвились,
Урок покинув насовсем!**

**На облаках, как на батуте,
Выписывая виражи,
Наташка кувыркалась! Нуте,
Её попробуй, удержи!**

**И с нею, кувыряясь, пели
Тетрадь!**

**Скакалка!
Плед с дырой!**

**И два потрёпанных портфеля —
Друзей весёлых шумный рой!**

**Наполнив сквознячком кармашки,
Поднявшись выше облаков,
Летит в кругу друзей Наташка
В галактику Больших Ветров!**

Предупреждение
бульдога-меломана

**Серёжка со скрипкой в руках по утрам
Разучивал дивный «Гавот»,
От звуков скрывались по разным углам
Хомяк, черепаха и кот!**

Светлана Сон

Родилась в Германии, живу в Иваново. По жизни шагаю в ногу с хорошим настроением! Для детей пишу с удовольствием. Главной наградой считаю детскую улыбку!

Бородатый ёжик

*По поводу бородатости...
(Брить или не брить?)*

**За зиму у Ёжика — Просто беда! —
Косматая выросла вдруг борода!
Пыхтит на пенёчке задумчиво Ёжик:
- Не брить завтра бороду вовсе,**

А, может быть, всё-таки

лучше побриться?

**Ведь может однажды ТАКОЕ случиться:
Зубастый Волчище помчится за мной!
Мне трудно по лесу бежать с бородой...
Запутаюсь в ней!**

Упаду!

Мне — не встать!!!

Ударю коленку...

**и буду рыдать!..
А с ней, с бородою, я — Ёжик солидный!
И первых морщинок под нею не видно...
Пожалуй,**

оставлю

бородку я,

Лишь сделаю

стрижку

короткую!

**Молил прощения
За птенцов синицы...
Жара стояла.
Загорели лица.**

**Был знойным август
И... последним
У лета в веренице.**

Говорила мама дочке

**Сыроежка-мама
Говорила дочке:
-Ты ходи, как дама,
Огибая кочки!
Затенись листочком,
Шляпку набекрень...
Доча, нынче очень
Будет жарким день!**

Полёт

**Мама, мамочка, пока!
Я лечу, где облака —
Выше, выше, выше крыши
Мимо сопок, мимо вышек...**

**И Останкинская башня,
Словно тонкий карандашик!
Вот и облако — киваю...
Улетаю, улета-ю-ю...**

**Превратилась мама в точку,
И волнуется за дочку...
Маме с облака кричу:
« Не волнуйся, прилечу-у-у!»**

**Интересно, мама слышит?
Солнце!
Лето!
Выше!
Выше!**